

Пшеничное зерно и Океан

Митко Яворски

Митко Яворски

**ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО
И ОКЕАН**

Перевод с болгарского ГАЛИНЫ ГОРЕЛОВОЙ
Редактор перевода АЛЕКСЕЙ ХВАТОВ

© Митко Яворски, 1980
с/o Jusautor, Sofia 1980

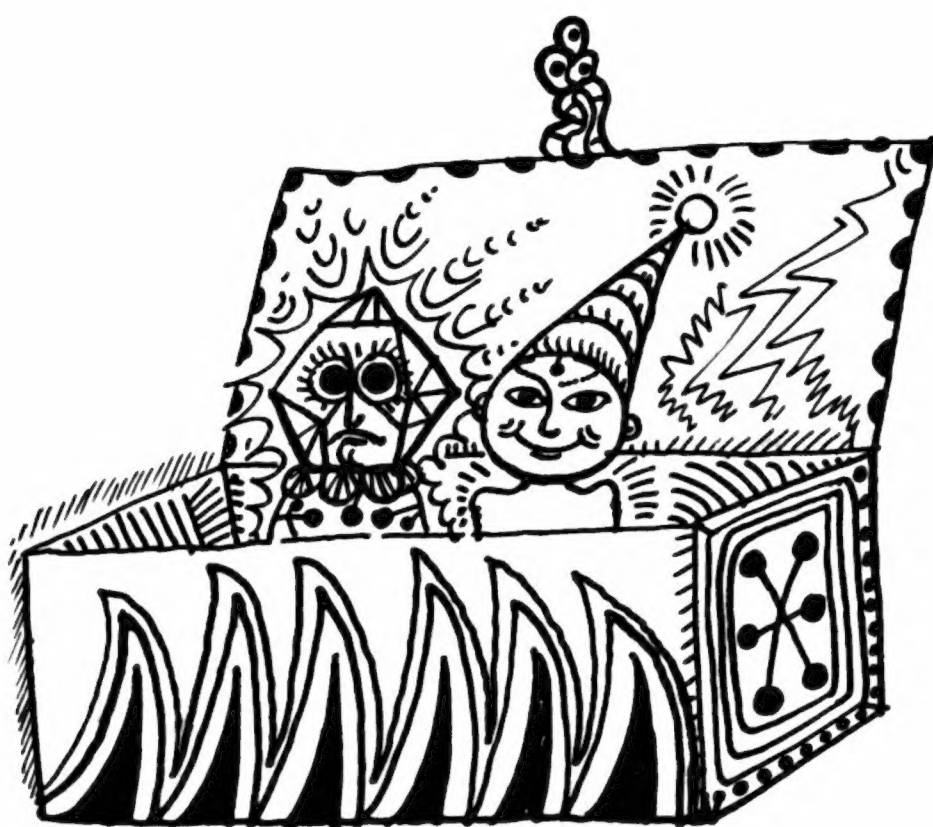
© Петр Чуклев. Художник, 1980
с/o Jusautor, Sofia 1980

© Галина Горелова. Перевод с болгарского, 1980
с/o Jusautor, Sofia 1980

МИТКО ЯВОРСКИ

Пшеничное зерно и Океан

СКАЗКИ

СОФИЯ ПРЕСС
1980

„НАРОДНА МЛАДЕЖ“
ИЗДАТЕЛСТВО НА ЦК НА ДКМС
СОФИЯ 1977

ВЕДЬМИНА ПОХЛЕБКА

Если бы я мог быть пшеничным зерном

Кусочек золота лежал себе укрытый в земле. Дружочки его — мелкие камушки, приютившиеся тут же под землей, жили и радовались тому, что он сиял в темноте, освещая все кругом ровным светом, и прозвали его Огневичком. Огневичок никогда не покидал своего убежища, не знал ничего о том, что делается на земле, поэтому не только внимал похвалам приятелей, но и вообще воображал, что он один на свете такой особенный. Но однажды во тьме около него зашевелились тонкие белые нити, словно кто-то пряд солнечную пряжу.

— Вы кто такие? — недовольно спросил их Огневичок.

— Мы-то? Мы обыкновенные корешки, — ответили ему.

— Та-а-к... — кивнул он и продолжал с любопытством разглядывать их.

Между тем корешки с каждым днем становились все длиннее.

Огневичку вдруг тоже захотелось стать таким же тоненьким, чтобы так же, как они уметь проникать между комочками земли.

— Эй! — окликнул он их наконец. — Вы самое чудесное из всего того, что я встречал здесь.

Но корешки предостерегли его от того, чтобы он не очень-то хвалил их.

— Это почему?

Потому что они принадлежат другому.

Неделю назад, — рассказали они, — одна бедная

женщина бросила в землю пшеничное зернышко; она полила его водой, и вот — оно пустило корешочки.

Огневичок только сейчас заметил пшеничное зерно и внимательно вгляделся в него. На пшеничном зерне лопнула серая кожица, и из него потянулись корешочки, с которыми и познакомился только что Огневичок. Он так удивился, что это было просто похоже на испуг.

— Ох, как мне хорошо! — заговорило вдруг Пшеничное зерно.

— Эй, что ты там говоришь? — прошептал Огневичок.

— Я умираю...

— Умираешь — и радуешься? — удивился Огневичок.

— Как же мне не радоваться? Ведь я умираю для того, чтобы оставить после себя сотни других таких же, как я...

Сказало это Пшеничное зерно и осталась от него лишь серая сморщенная кожица...

Белые корешочки росли и вытягивались с каждым днем все больше и больше, и вскоре тоненький зеленый стебелек — невозможно даже и представить себе, что у него вообще есть какие-то силы, — оттолкнул ком земли над собой и выглянул на белый свет.

— Добро пожаловать под мое небо, — ласково встретило его Солнце.

Между тем стебелек все тянулся вверх, а корешочки становились подвижнее и длиннее. Настал момент, когда они коснулись кусочка золота, и он попросил их взять от него все, что они хотят.

Корешочки обхватили его и попробовали было сосать из него соки для питания стебелька. Но...

— Ничего-то в тебе нет полезного, — заключили они недовольно.

Огневичок загрустил, услышав, что они думают о нем: как это печально, когда ты ничего не можешь дать полезного.

— Но ведь я, по крайней мере, даю свет? — неуверенно промолвил Огневичок, обращаясь к камушкам.

— Даешь, даешь, — согласно подтвердили камушки.

„И это не так уж мало“, — подумал про себя Огневичок, но, несмотря на это, в душе позавидовал Пшеничному зерну.

Вот, наконец, верхушка стебля стала тяжелой, и крупный колос склонился к земле. Когда прекратит свое существование и этот колос, то сколько же зерен еще родится!.. Огневичок даже и не пытался считать. Ему становилось все грустнее и грустнее. Сидит он на одном месте. Не уменьшается, не увеличивается. Не тянется от него ни корешков, ни стебельков, — не нужен он никому. Ничего никому не может дать. И Огневичок пожелал, — если возможно, все равно как — сейчас же превратиться в пшеничное зерно.

Не понимаю, или первая встреча с белым днем

Тяжелый налитой колос, склонивший вершинку пшеничного стебля, наконец, созрел. Пора было его срезать. Но пришла за ним не бедная женщина, которая посадила зерно, а Человек в белой рубаше и соломенной шляпе.

— Смотри-ка ты, какой большой вырос. Золотой. Набрал силу и красоту от самого солнца, — обрадовался пришедший.

И выдернул стебелек вместе с корнем. Он хотел поставить его у себя дома для красоты. Но в тот же миг так удивился тому, что открылось его глазам, что

едва удержался на ногах: вместе с комком земли он вытащил кусочек золота! Озираясь, быстрым движением он сунул его в карман.

— Я же не пшеничный колос, — обратился Огневичок к Человеку. — Не бросай его одного в поле.

— Молчи ты там! И не учи меня, что я должен делать! — сердито ответил Человек.

И чтобы чувствовать себя более спокойно, положил золото под рубаху, ближе к сердцу, потом снова вытащил его оттуда и крепко сжал в кулаке.

— Возьми пшеничный колос. Ведь я, по сравнению с ним, ничто, — уговаривал Огневичок Человека.

— Ничего-то ты не знаешь о жизни. Ну и прекрасно! Не сбежишь, а останешься у меня.

Огневичок недоумевал: почему Человек в белой рубахе выкинул тяжелый колос пшеницы и так обрадовался ему — какому-то камню или кусочку металла — все равно, — у которого не было сил даже на то, чтобы передвинуться самому, без корешков, не способного оставить после себя сто других — таких же, как он сам. „Почему, почему?“ — мучительно спрашивал себя Огневичок и снова обратился к Человеку:

— Эй! — крикнул он.

— Сиди, сиди, не волнуйся. Уж я-то позабочусь о тебе, — отвечал тот.

— Я не об этом.

— А о чем?

— Ты слепец. Приглядишься лучше: не ошибиться бы тебе — вместо налитого пшеничного колоса ты заботишься о простом камне.

— Как ты наивен. Но это ничего. Так ты даже еще лучше: тебе неизвестно, насколько ты ценен и потому не сбежишь без моего согласия.

— Чем же я ценен?

— Ты — золото, — коротко бросил Человек в

белой рубахе и, для пущей уверенности, еще крепче зажал камешек в ладони.

Огневичок же все старался объяснить себе, что произошло. „Наверное другие люди не такие, как этот,“ — подумал он. „Они конечно же, никогда не предпочтут какой-то ничтожный кусочек золота пшеничному колосу“.

— Эй, послушай! — снова окликнул он Человека.
— Все люди такие, как ты?

— Какие — такие?

— Они так же, как ты, выбросят живой пшеничный колос и будут трястись над каким-то мертвым камешком?

— А ты как думал? Золото влечет к себе даже того, кто никогда не дотрагивался до него.

Огневичок хоть и запутался совсем, все же понял очень хорошо, что никогда не будет даже самым маленьким пшеничным зернышком. Поэтому первая его встреча с белым светом в конечном счете оказалась трудной.

Стиснутый в руке Человека, он не мог даже и представить себе всего, что с ним произойдет.

Ага, и я что-то значу...

Человек в белой рубахе отнес кусочек золота к себе в дом. Он вымыл его водой и еще крепче зажал в кулаке.

— Я не убегу, — успокоил его Огневичок.

— Ты только один день на этом свете, поэтому ничего не знаешь: золото очень часто убегает.

— Как убегает?

— Так . Убегает, но не исчезает. Оно просто переходит из одних рук в другие. А для меня важно, чтобы тобой владел я, а не кто-то другой.

И Человек с улыбкой, которой одаривают только новорожденного, с Огневичком в руке вошел в большой зал. Стены зала были украшены картинами. На одной охотники убивали льва, на другой — прекрасная, вся в белом, дама верхом на черном коне скакала по зеленой поляне. А часы, висевшие между этими двумя картинами, повторяли:

— Тик-так, тик-так... — И стрелки на них передвигались медленно, медленно.

Огневичок впервые видел такие вещи, и они очень понравились ему. „Вот здорово...“ — обрадовался он. Ему вдруг показалось, что он понял, зачем Человек принес его сюда: просто не было того, кто освещал бы эти прекрасные картины. Понятно: его прикрепят к стене между ними. Хорошо, очень хорошо, он не устанет светить им и днем, и ночью.

Но он ошибся. Человек спрятал его в железную коробку. В ней было гораздо темнее, чем под землей. Хорошо, что там оказалась одна золотая монета. По крайней мере было с кем поговорить.

— Ты что делаешь? — спросил ее Огневичок.

— Придумываю новые козни.

— Для кого?

— Для Человека, который запрятал меня сюда.

— За что ты желаешь ему зла?

— Видно, ты совсем недавно появился на этом свете, — ответила Монета. — Когда-то и я задавала те же вопросы. Было время, когда я не только не думала о том, чтобы кому-нибудь насолить, но и вообще не знала, что такое зло. А сейчас только и думаю о том, чтобы строить козни.

— Кто тебя научил этому?

— Люди. Не все, разумеется, но это они меня научили.

— Как они тебя научили этому?

— Очень просто. Чем больше зла я причиняла одним, тем большее уважение вызывала у других. Вот и теперь меня отличили.

— Как?

Огневичок не заметил, чтобы на Монете было какое-нибудь отличие.

— А заперли здесь. Если хочешь знать, это и есть самое большое отличие. Вот тебя тоже заперли — значит и тебя отличили, радуйся теперь. Если запирают сюда, значит ты что-то собой представляешь. Ценят тебя.

— Выходит, если тебя суют в темноту и тесноту, то это означает, что тебя ценят? — ничего не понимал он.

И снова спросил Монету, за что же все-таки она собирается причинить зло Человеку, который ее отличил.

— Раз уж мы разговорились с тобой, так и быть расскажу. Жила я большом кошельке. Наконец, надоело, что вечно прячут меня по разным потайным местам, и я убежала на улицу. Закрылась в пыль и стала ждать. А владелец кошелька — наш хозяин в белой рубахе, — где только ни искал меня. Даже швы на одежде распорол. Я лежу себе и молчу. Но вот один раз показалась босоногому мальчику. На него-то я никак не хотела навлекать беды. Но вышло, что хоть и не хотела, а навлекла. И мальчонка только настрадался из-за меня. Наш хозяин обвинил его в том, что он украл меня и отхлестал розгами прямо по голому телу. Он отнял меня у мальчика, и уж так радовался, что я снова оказалась в его руках. А чтобы я не убежала, запер меня туда, где и ты сейчас находишься. Вот я и хочу спросить тебя теперь: что на моем месте ты бы сделал этому человеку?

Огневичок молчал. Когда он лежал в земле и раз-

говаривал с корешками, то легко понимал их. Так же легко он понял и оценил благородство Пшеничного зерна: оно умирало, чтобы родились сто других таких же, как оно само. „А Монета, — думал он, — и не хочет, да все время зло творит“. И он начал догадываться, почему Человек выбросил налитой Пшеничный колос! Что-то стало с ним! Может быть, все-таки пришла та женщина, которая вырастила его. Ведь тот, кто выращивает, умеет и охранять плоды своего труда.

Но у Огневичка больше не оставалось времени на размышления. Железная коробочка растворилась, и мягкие пальцы Человека в белой рубахе и соломенной шляпе вытащили оттуда маленький самородок.

Что еще можно увидеть?

Человек отнес кусочек золота в большой ювелирный магазин. Такое золото — самородное, блестящее, хоть и не большое, но тяжелое, редко где можно сыскать — нахваливал он.

Ювелир долго разглядывал самородок, оценивал, пересчитывал, наконец, усмехнулся, довольный, и дал Человеку за него целую кучу денег.

На этот раз Огневичка заперли в бóльшем по размеру и с более толстыми стенами железном ящичке. В нем уже лежали белые, как корешочки Пшеничного зерна, жемчужинки, сверкали бриллианты и разные другие камушки, которые сразу же заявили о себе, что они драгоценные.

— Как вам не стыдно самим определять себе цену? — упрекнул их Огневичок.

— Так написано про нас и в книгах. Иначе как же мы сами о себе могли бы говорить, что мы драгоценные? — честно ответили камушки.

Огневичок недолго оставался в тяжелом железном сейфе. Рано утром Ювелир отнес его в свою мастерскую.

— Сейчас, — прошептал он ему, — я тебя расплавлю, но ты не пугайся. И пылинки твоей не потеряю. Я сделаю из тебя прекрасную розу, а в самой середине ее, словно вонзенное в нее пчелиное жало, сверкнет бриллиант. Тот самый бриллиант, с которым ты ночью находился в моем сейфе. Такое украшение будет редкостью даже и в княжеской сокровищнице. А если я покажу его самой Княжне, она всплеснет руками от изумления и непременно захочет украсить розой свою грудь.

Ювелир представил себе, как старый князь, ее отец, щедрым жестом развяжет свой кошелек, и он железными клещами зажал кусочек золота. Но прежде чем опустить его в судок, поставленный на раскаленные тлеющие угли, Ювелир осмотрел его еще раз и раздумал ковать из него золотую розу. Именно таким, каким он вышел из-под земли, — очень похожим на маленькую птичку, — он будет не только прекрасным, но и единственным в своем роде. Он цепил к нему маленький бриллиантик и улыбнулся, довольный своей идеей, а главное — он был теперь уверен в том, что получит за него много денег. И не ошибся. Старый князь, через руки которого прошло много драгоценностей, признал, что более красивого украшения он не видал, и действительно, щедро заплатил Ювелиру. На следующий день Княжна приколола брошь на грудь.

Огневичок и подумать не мог, что на свете может быть нечто более прекрасное, чем молодая Княжна. Когда она вздыхала, он поднимался на ее груди и был счастлив оттого, что находится так близко к ее сердцу. И так как ему хотелось служить ей беззаветно, он

вслушивался в его удары, стараясь угадать ее желания еще до того, как они появятся. А как известно, слушая чье-нибудь сердце, можно узнать не только прелюбопытнейшие, но и поучительные вещи.

— Как хорошо! — восхищался Огневичок вслух.

— Спокойнее, спокойнее! — отрезвил его Бриллиант.

— Ты не хочешь послушать, как стучит сердце Княжны?

— Я уже давно перехожу из рук в руки. Украшал и царскую корону. Ничто уже не может возбудить мое любопытство. Слишком много я повидал, поэтому и тебе советую — никогда ни из-за чего не волнуйся. Волнения принесут тебе только потери и никогда — приобретения.

— Почему же? Разве добро не должно вызывать восторг, а зло — негодование?

Бриллиант не соблаговолил ответить: он твердо придерживался своего принципа — не волноваться.

Отдаю свою силу...

Княжне так нравился Огневичок и сверкающий в нем бриллиантик, что несколько ночей подряд она ложилась с ним спать. Но и этого ей казалось мало: она решила показать украшение своим подругам и друзьям, и по этому поводу в княжеском дворце для них был устроен бал. Бриллиант, чрезвычайно честолюбивый, обрадовался, что им будут любоваться и другие. А Огневичку было довольно и того, что он не расставался с княжеской дочерью. Он и мысли не допускал, что на свете может быть что-то более прекрасное, чем она. А слушая ее сердце, он узнал, что она к тому же еще и добра. В таком сердце коварная

мысль никогда не совет гнезда. А добрые мысли ведут, как известно, к добрым поступкам. Он был доволен. Но и теперь ему оставалось непонятным, почему Княжна, красотой которой могло гордиться любое царство, так кичится своей брошью.

— Не пытайся узнать абсолютно все, — сказал ему Бриллиант.

— Почему?

— Как почему? Не загружай себя излишними вопросами. Сколько бы ты ни мучился, отгадывая их, все равно останется что-то сложное и неразгаданное.

— Я слушаю тебя, но не понимаю.

— Но ведь я тебе уже сказал: мы никогда не исчезаем совсем. Только меняем своих хозяев, переходим из одних рук в другие, но где бы мы ни были, все равно будем желанными и ценными. А если так, стоит ли волноваться?

Собеседники вынуждены были прекратить свой разговор. Трубы и фанфары возвестили о начале бала.

Княжеская дочь, озаренная блеском своих прекрасных глаз и жемчужной улыбкой, сияла сама и излучала сияние вокруг себя.

Огневичок, очевидно, забыл совет Бриллианта. Увлечшись, он наблюдал за знатными гостями. Они старались перещеголять один другого, восхваляя красоту Княжны, и она дарила их лучезарной улыбкой. Очень радовался и Огневичок, но скоро он заметил нечто такое, что заставило его опечалиться.

Любопытной белой складочке на юбке Княжны захотелось получше рассмотреть шпагу одного принца и она неосторожно выглянула из-под атласного платья.

— Тебе не позволено вылезать дальше обшитого жемчугом края ее платья, — прикрикнула на нее одна придворная дама.

— Убирайся сейчас же! — рассердилась и Княжна.

Но белая завитушка никогда не видала собранных вместе таких блестящих молодых людей. Она притворилась, что предупреждения относятся не к ней. И тогда случилось нечто совсем неожиданное. Несколько красивых девушек поклонились Княжне и с пленительными улыбками стали уверять ее, что эта непослушная складочка ей очень идет. И с ее позволения, как только они вернутся домой, так сразу же сошьют себе такие платья.

— Уговаривают ее так, будто она какая-нибудь больная, — подумал Огневичок, и ему стало не по себе. Только нездоровый человек не может не видеть, что все это ложь. И он спросил у Бриллианта, не больна ли Княжна.

— Что? Больна? Не будь смешон. Не видишь, что ли? Цветет от избытка здоровья.

С тех пор, как он помнил себя, ему не приходилось слышать такие нелепые вопросы.

— Тогда объясни мне, почему ей не говорят правду, — не переставал допрашивать Огневичок.

— Ты так глуп, что если я и дальше стану тебя слушать, то, чего доброго, тоже поглупею. Не спрашивай меня больше о таких вещах. Или объясняй себе сам, но только не вслух. Если ты меня не слушаешься, я вынужден буду попросить кого-нибудь взять тебя, чтобы отделаться, наконец, от такого назойливого соседа.

Огневичок пытался понять, отчего на Княжну продолжал сыпаться целый поток похвал. Точно она какая-нибудь слабенькая или болезненная. И тогда он воскликнул, что отдаст всю свою силу княжеской дочке, но только для того, чтобы она могла различать правду и ложь. Потому что, пока она еще не ослабла,

то обязательно ослабнет, если будет слушать только одни похвалы.

— Я всегда буду говорить тебе правду и всегда буду верен тебе.

Он ожидал, что Княжна, будет благодарить его. А она так разгневалась, что швырнула его в железную коробку.

— Вот теперь и спи в темноте, — еще больше рассердился на него Бриллиант.

— Я ничего плохого не сказал, — оправдывался Огневичок.

— Ты просто не знаешь, что такое эти князья, — не оставлял его в покое Бриллиант. — Если ты хочешь кого-нибудь из них обидеть, то скажи ему, что он болен и что ты готов дать ему свою силу, чтобы помочь. Князьям не предлагают дружбу, они любят, чтобы им служили. И какой дьявол свел меня с тобой! Если бы я знал как, сейчас же бы отвязался от тебя.

Но хотя это и был сверкающий бриллиант, он не мог сделать того, чего желал.

На балу

Через несколько дней Княжна получила приглашение на бал от одного Принца, который ей очень нравился. Для этого бала было сшито специальное платье, которое она сама вышила жемчугом и золотом. Она выпустила на плечи свои золотые волосы, и лицо ее, разгоряченное ожиданием предстоящей встречи с принцем, засияло, как маленькое ночное солнце. Такой прекрасной ее не видели никогда.

Железная коробка скрипнула, и Огневичок, онемев от счастья, снова очутился в мягкой ладошке Княжны. Она так же, как и раньше, приколола его к

платью таким образом, что он оказался близко к ее сердцу.

— Одна золотая Монета сказала мне, что заключение в коробке — это особое отличие. Пусть это и так, но все же блеснуть на атласном платье приятнее, чем сидеть во тьме железной коробки, — прошептал кусочек золота.

— Я не думаю ни о чем, не думай и ты, — посоветовал ему Бриллиант. — Буду ли я здесь или где-то в другом месте — в царской короне или заброшенный в грязь — мне все равно. Я не привязываюсь душой ни к кому.

— Как это — „не привязываюсь“? — удивился Огневичок.

— Все хотят меня иметь, а я сам никого не хочу. Если они привязываются ко мне, то что мне печалиться о них? И к тебе, и ко мне стремятся все. Нам дают даже более высокую цену, чем мы заслуживаем.

— С тех пор, как мы познакомились, — признался Огневичок, — это первый разговор, который мне нравится.

— Я безразличен к похвалам. Если бы я мог назвать тебя своим приятелем, твои слова обрадовали бы меня.

— А что тебе мешает назвать меня так?

— Не могу. Хоть мы с тобой и вместе, а не нужны друг другу, можем спокойно обходиться друг без друга. Я на все смотрю равнодушно. И прошу тебя — больше не докучай мне разными вопросами. В течение своей долгой жизни я понял, что самое прекрасное — это спать и показывать всем свою красоту.

— А когда ты засыпаешь, то не перестаешь блеснуть?

— Однажды стряслось и такое. Я так глубоко заснул, что совсем погас.

— Тебя ругали?

— Нет. Это была одна смешная история. Я занимал тогда самое заметное место в царской короне. Но вот один раз заснул и потемнел. Но придворные, хоть и не видели меня, а продолжали твердить: „Какой блестящий бриллиант, какой блестящий бриллиант!“ Так что самое важное не то, что ты собой представляешь, а то, как тебя привыкли называть окружающие — сверкающий, незаменимый, неповторимый. Если называют тебя так, ну, тогда — все двери перед тобой открыты.

— Ох, как ты здорово умеешь рассказывать! — восторгался Огневичок.

— Сколько еще я знаю всяких историй. И любопытных, и смешных, и грустных. Но как только называли меня сверкающим бриллиантом, так угасли во мне все желания. Ни к чему я не стремлюсь.

Их разговор замер. Княжна вошла в бальный зал.

— Как она прекрасна, — пронесся восхищенный шепот.

Бал начался. Само собой — наша Княжна танцевала с Принцем. Все в нем было красиво, но самыми прекрасными были его глаза. В них была какая-то притягательная ласковая сила. Стоило ему посмотреть на кого-нибудь — даже если у того были черные заботы, — в грудь теплым лучом входила радость.

Стены балного зала были зеркальные. В какую бы сторону ни оборачивались танцующие, они везде видели себя, свои сияющие лица и серебряные люстры с зажженными свечами. Огневичок быстро пресытился всем этим блеском. Он вслушивался в удары сердца Княжны. Оно желало лишь одного слова: вот-вот Принц должен был сказать, что любит ее. Ведь он устроил этот бал с тайной мыслью на первом же танце просить ее руки. Но случилось так, что он засмотрелся на Огневичка и, замороженный красотой броши, совсем забыл о своем намерении.

Да, с большим количеством загадок пришлось столкнуться Огневичку. Человек в белой рубашке предпочел его Пшеничному колосу. Принц не услышал зова сердца Княжны. Он не ощущал трепета ожидания в ее груди, его покорила не нежный блеск ее прекрасных очей, не белизна прекрасной лебединой шеи, а всего лишь кусочек золота. Ради него он забыл обо всем.

— Почему?

— Который раз мне приходится тебя учить: не мучай себя излишними вопросами, — прервал его Бриллиант.

Бал закончился поздно ночью. Княжна со слезами на глазах, измученная переживаниями, которые разрывали ей сердце, направилась к себе в спальню. Но прежде чем лечь в постель, она поднесла к лицу зеркало.

— Скажи мне, — попросила она, — почему Принц ни разу ласково не взглянул на меня? Или глаза мои выглядели усталыми, или морщинки уже тайно появились на моей коже?

— Нет, глаза твои не выглядели усталыми и морщинки не портили твоей кожи. Лицо твое так прекрасно, что любая красавица мечтала бы сравниться с тобой. Виноваты во всем обыкновенный кусочек золота и бриллиант на нем. Это они смутили ум и сердце Принца, — ответило Зеркало.

Княжна сорвала Огневичка со своего платья и замахнулась было, чтобы выбросить его в окно. Но взглянула на него и отказалась от своего решения. Она заперла его в роскошный перламутровый футляр и приставила к нему солдата.

— Нас охраняют. Наверняка с нами случится что-нибудь плохое, — встревожился Огневичок.

— Не мешай мне. Я спать хочу, — рассердился на него Бриллиант.

— А все-таки, — не мог успокоиться Огневичок, — почему нас так усиленно охраняют?

— Кажется, я напрасно потратил время, объясняя тебе самые простые вещи: мы переходим из рук в руки. Плохое чаще случается только с теми, кому мы принадлежим, с нами же — никогда. Сколько раз я тебе говорил: смотри на все спокойно, если можно, равнодушно, ни от чего не приходи в волнение.

Бриллиант наверное продолжал бы и дальше поучать глупый золотой самородок, но его прервал тихий звук приближающихся шагов. Блеснуло стальное лезвие кинжала, и солдат свалился замертво. Человек схватил футлярчик и быстро скрылся в темноте.

— Будь спокоен. Ведь я сказал тебе — случается плохое, но только с теми, кому мы достаемся. А нам, где бы мы ни были, всегда одинаково хорошо. Отношение людей к нам не меняется, зачем же нам его менять? — снова заговорил Бриллиант.

Огневичок понял, что если и пожелает, то все равно никогда не сможет никому принести добра. Так пусть же зло, которое он несет в себе, будет как можно более ощутимым.

Черный дьяволенок

Человек, заколовший солдата-сторожа, был тем самым, что некоторое время назад извлек Огневичка из-под земли вместе с корешками Пшеничного коло-са, и Огневичок поклялся зло отомстить ему.

— Эй, что ты будешь теперь делать? — спросил его Бриллиант.

— Буду творить только зло. Ты поможешь мне?

— Если речь идет о недобрых делах, я с тобой.

— Хорошо.

Огневичок вырвался из белых пальцев Человека и

покатился по улице, скрываясь в ведрах для мусора, в помойных ямах. Человек бежал за ним, расталкивая прохожих, но не смел крикнуть: „Держите его!“ Ведь такая брошь всякого соблазнить может. Огневичок спрятался за камнем и, накинув на себя черную мантию, стал похожим на маленького дьяволенка.

— Где же ты, мой Огневичок? — звал Человек чуть не плача.

— Я здесь, — отозвался Черный дьяволенок.

— Тебя я не знаю, — сказал ему Человек и продолжал искать исчезнувший кусочек золота.

Это было первое зло, которое Огневичок сотворил Человеку. Правда, это зло, подумал он, не очень-то велико. Ничего, время еще есть, они еще встретятся. Но прежде испытаем, что он может еще наделать в облике Черного дьяволенка.

Вскоре он погнался за девушкой, которая очень спешила: ее ожидал жених.

— Отстань, противный черный дьяволенок! — испуганно воскликнула Девушка.

И она стала громко повторять одно имя — имя своего жениха; он должен был услышать ее и спасти. Тогда Бриллиант откинул черную мантию — ровно настолько, чтобы из-под нее выглянул кусочек золота.

— А, так вот ты кто! — засмеялась Девушка.

— Я — Черный дьяволенок.

— Таких дьяволят я очень люблю. Подойди поближе, я больше не буду кричать, — стала она упрашивать. — Если хочешь, я не пойду сегодня на встречу с женихом. Хочу быть с тобой, только бы держать тебя в руках.

— Если ты не пойдешь к жениху, он будет тосковать.

— Завтра, когда он узнает, почему я не пришла к нему, он только подарит мне горячий поцелуй. Ну,

стань же моим! Видишь, на какую большую жертву я иду — отказываюсь от свидания с женихом.

— Нет ! — отрезал Черный дьяволенок.

— Нет! — подтвердил и Бриллиант. — Из-за нас люди убивают друг друга, а тебя ждет твой жених.

— Тогда я и завтра не пойду к нему. Стань моим, миленький Черный дьяволенок! — и она протянула к нему руку.

— И речи об этом не может быть!

— Тогда я возьму и заменю своего жениха другим.

Огневичок отшвырнул свою дьявольскую одежду и заплакал.

— Не волнуйся. Воспринимай все равнодушно, — снова терпеливо стал поучать его Бриллиант.

И Огневичок понял, что он сможет сотворить зло, только будучи кусочком золота, а не чем — или кем-нибудь другим. И уже ничто и никто не мог отвратить его от мысли отомстить Человеку в белой рубашке. Это он вытащил его из-под земли, а как хорошо чувствовал он себя там вместе с камушками, которым давал свет. Человек продал его Ювелиру, но, объятый жадностью, убил солдата и выкрал Огневичка из шкатулки Княжны.

Вот отомстить бы ему как следует!

Ведьмина похлебка

Огневичок попросил Бриллианта сверкать поярче, чтобы поскорее дать возможность Человеку в белой рубахе найти свою потерю.

— Ты и сам можешь свести его с ума — спокойно ответил Бриллиант.

В это время Человек в белой рубахе прогуливал-

ся по улице со своей красивой Женой. Кусочек золота подкатился прямо к его ногам. Тот вмиг забыл и думать о своей Жене и бросился к золоту, чтобы схватить его.

— Вот смех-то, — рассмеялся Бриллиант.

— Золото! Мое прекрасное золото! — кричал Человек, пытаясь схватить убегающего Огневичка.

— Я тут-тут, ты что, не видишь меня? — Говорила Жена, думая, что его слова относятся к ней.

— Да замолчи ты!

— Зачем ты меня бросил?

— А ты что думала — из-за тебя я буду упускать золото и бриллиант, сверкающий как солнце?

— Прошу тебя, пока ты гонишься за ним, думай обо мне.

— Если бы я знал, что ты такая дура, я бы не только не сделал тебя своей женой, но и знать бы тебя не знал никогда.

— Вот смех-то! — повторил, хохоча, Бриллиант.

Человек гнался за Огневичком до тех пор, пока они не достигли избушки Ведьмы, которая стояла рядом с царством песков и горячих ветров. Стоило Ведьме засмеяться, избушка начинала раскачиваться то в одну сторону, то в другую. Но если раздражалась буря, она стояла, как вкопанная.

Огневичок остановился перед Ведьмой, и она потянулась к нему, намереваясь схватить.

— Мое! — сказал Человек в белой рубашке и соломенной шляпе.

— Э-е, да ты видно совсем ослеп от этого золота, так что и меня не заметил. Скажи, по крайней мере, „добрый день“.

— Отдай мне золото, и я, если хочешь, и вашим величеством тебя назову.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! —

проговорила любезно (насколько может быть любезна) Ведьма.

Человек и не подумал отвечать на приветствие. Он снова бросился к маленькому самородку.

— Какое счастье, что ты снова будешь в моих руках! — шептал он.

— Попроси-ка меня как следует, — остановила его Ведьма.

— Зачем мне просить? Оно мое. Я его из-под земли вырыл. Потом он сбежал от меня, а теперь я нашел его и долго гнался за ним, чтобы, наконец, поймать, и владеть им. Смотри: одежда моя порвалась, я измучен, силы покинули меня, — отвечал Человек в белой рубашке.

— Если ты завладеешь им, гордыня обуяет тебя. Знаю я — нет у тебя чувства меры. Если же я сама дам его тебе, то знай — я всегда могу вернуть его обратно. Устала я учить все время таких, как ты — чтобы знали, чего можно требовать и чего нет. Ведьмой меня называете... Ничего, я не мелочная. Остановить кого-нибудь вовремя, чтобы не брал больше положенного, совсем не так уж плохо. Так, по крайней мере, думаем мы, ведьмы.

— Отдай мне золото и бриллиант, — продолжал молить Человек, и даже упал на колени.

— Встань! — рассердилась Ведьма. — Мы, ведьмы, терпеть не можем ни похвал, ни поклонов.

— Верни мне его, и я исполню все, что пожелаешь.

— Эх, — грустно вздохнула Ведьма, — будь я самой жестокосердной, все равно не смогла бы выдумать такого страшного наказания. Ну, что же — не вини меня: ты сам этого хотел — и быть по сему. Мы, ведьмы, исполняем свое слово.

— Это хорошо, что ты сдержишь свое слово. Для меня настоящим удовольствием будет подчиниться тебе, — обрадовался Человек.

— Хорошо, очень хорошо, — довольно усмехнулась Ведьма.

Он вздрогнул от прикосновения ее костлявых пальцев, но улыбнулся как можно дружелюбнее.

— Возьми же его! — воскликнула Ведьма.

— Я всегда буду тебе верен! — и Человек кинулся целовать ее руку.

— Ах, я и забыла, что ты голоден, — спохватилась Ведьма.

Она сложила в горшок, который всегда стоял посреди избы, разные драгоценности: жемчуг, бриллианты и золото, поставила все это на синий огонь, разогрела и предложила Человеку в белой рубахе. Но он не прикоснулся к еде — так торопился удрать от Ведьмы. Чувствовал: если дольше останется с нею, не быть ему полным хозяином кусочка золота и бриллианта, сверкающего в его середине. Ведьма прекрасно разгадала его намерения, но сказала, что, раз уж он спешит, то она не будет его задерживать. Однако, так как он поклялся, что будет ей подчиняться, она приказывает ему пройти через жаркую пустыню, прежде чем отправиться домой.

— Но это опасно.

— Я не настаиваю, — кротко возразила Ведьма. — Откажись от золота и иди, куда хочешь. Я даю тебе возможность выбирать.

— Только не отбирай его у меня. Я согласен — пойду через жаркую пустыню.

— Быть по сему, — произнесла Ведьма и дала ему впридачу еще бриллиантов и еще золота. — Но если ты потеряешь что-нибудь, не теряй времени на поиски.

— Тысячу раз благодарю тебя за твою доброту, — низко поклонился ей Человек.

— Не благодари. Хочешь, чтобы я поверила в твою искренность? Мы, ведьмы, тоже как люди —

готовы поверить в то, что нам нравится. А тому, кто поддается незаслуженным похвалам, плохо приходится, — и она захохотала так громко, что избушка закачалась, готовая вот-вот развалиться.

Человек прижал к себе узелок с драгоценностями и, счастливый, зашагал по пустыне. Но вот подул жаркий иссушающий ветер, мелкие песчинки больно кололи его лицо, однако он не испугался и продолжал шагать дальше в глубь пустыни.

Его стала мучить жажда, но он скоро набрел на источник, который указала ему Ведьма, и, напившись, побрел по пескам. А ветры дули все сильнее, и постепенно он стал терять силы. Необходимо было поесть, чтобы подкрепиться. Без этого продолжать путь было невозможно: стоило ему упасть, и пески засыпали бы его. Если бы у него было хоть одно пшеничное зерно, оно могло бы дать ему хоть немного сил.

— Эй, — крикнул он ветру, который ринулся ему навстречу, — принеси мне откуда-нибудь немного еды — пропадаю!

— Ведь это пустыня, и здесь нет ничего другого, кроме песка, — рассмеялся Ветер, взвился вихрем и, как сумасшедший, понесся дальше.

Человек умолял песчинки, обещал им, что если принесут ему хотя бы одно пшеничное зернышко, он отдаст за него жемчужину или бриллиант — что угодно, пусть сами выбирают.

Ветры только смеялись в ответ, а песчинки и слушать его не хотели. Наконец, Человек упал. Одна песчинка, кажется сжалилась над ним и залетела ему в рот. Он стал жевать ее, но что она могла дать ему — ничего.

Тогда, собрав последние силы, он высыпал драгоценности, которые получил от Ведьмы, и крикнул, простирая руки к небу, что он готов отдать все это

кому угодно всего лишь за одно-единственное пшеничное зернышко.

Мольба Человека в белой рубахе была искренней. Еще раз Огневичок убедился в том, какую огромную силу таит в себе пшеничное зерно. И он снова пожелал (если бы это было возможно!) стать пусть совсем маленьким, самым маленьким пшеничным зерном. Он вспомнил о том зерне, которое разорвало кожицу и пустило в землю светлые белые корешочки. Он еще позавидовал тому, что оно умирает для того, чтобы родились после него сто других точно таких же. И это было самым удивительным из того, что он встретил в своей жизни.

Он загрустил, потому что понял: что бы он ни предпринимал, все равно его желание неисполнимо, и он останется навсегда бесполезным блестящим куском золота.

НАИВНЫЙ ПРИНЦ

Из всех, кто жил в большом доме, вознесшем свои белые башни над зелеными деревьями, счастлив был, и то в некотором роде, один мальчик. Так уж он был устроен, что умел радоваться и тому малому, что имел. Поэтому и не грустил ни от того, что его мать — отца он не помнил — все удлиняла и удлиняла с помощью новых заплат его брюки, ни от того, что с их стола одно за другим исчезали лакомства, которые он так любил.

Его мать, совсем обедневшая в последние годы, больная, не хотела, чтобы ребенок плакал из-за нее и, как могла, скрывала свое тяжелое, безнадежное положение. Она знала, что кредиторы вот-вот нагрянут, что они придут, продадут дом, сад, и ее мальчик останется на... Даже в душе, трепеща от страха, она не решалась произнести это страшное слово — улица. Сердце ее обливалось кровью. Большие, лихорадочно блестящие глаза туманились от слез.

Через некоторое время она уже перестала вставать с постели. Хорошо понимая, что скоро совсем уйдет из жизни, она не хотела тревожить сына и, хотя просто изнывала от желания видеть его, всячески старалась избегать этого. Но однажды не выдержала и призвала его к себе. Она смогла лишь прижать его голову к своей измученной, едва дышащей груди. Ее глаза, широко раскрытые и светлые, наполнились слезами. Пальцы едва касались его русых волос. Не в силах долго говорить с сыном, она лишь вкратце поведала ему то, о чем скорбела ее душа и при этом непрерыв-

но повторяла: „Мой бедный принц, мой бедный принц“...

Мальчик принял ее слова за истину.

Вскоре его босые пятки уже мелькали на улице и детям, с которыми он всегда играл, Мальчик, весь светясь, сообщил, что он — бедный принц. Он не научился еще ни скрывать чего-либо, чтобы извлечь из этого для себя пользу, ни вести себя так, чтобы это было во вред другим.

Мальчик словно не замечал беды, нависшей над его родным домом. И потому даже когда дети смеялись над ним, уверяя, что никакой он не принц, их насмешки не трогали его. Он твердо верил в истинность материнских слов. Когда дети поддразнивали его из-за того, что брюки его подшиты разноцветными заплатами, или били его, он в ответ лишь повторял слова Матери: „Я — принц“. Он повторял их часто и упорно. Но то, чего Мальчик не замечал в силу доброты своего сердца, очень хорошо видели другие.

Вскоре его Мать угасла. Соседки, пришедшие, чтобы приготовить ее в последний путь, перебрали всю их одежду, но не нашли ни одних сколько-нибудь целых брюк, которые подобало бы надеть сыну на погребение. Людей, шедших за гробом, было совсем немного.

Не успела похоронная процессия скрыться за церковью, как Торговец уже купил дом у кредиторов, и сразу начал распоряжаться в нем. Очень хотелось ему поскорее заняться его переустройством. Он привел мастеров, строителей, садовников и в полузапущенном, некогда блестящем жилище закипела усиленная работа.

Мать похоронили. Мальчик безутешно рыдал. Если бы не ее слова, которые он принял, как самое великое богатство, он просто умер бы от отчаянной тоски.

— Я — бедный принц, — повторял он, и, неизвестно по каким причинам, ему становилось легче.

Здесь какая-то ошибка

Мальчик долго стоял у могилы Матери. Уже давно стемнело, но он не шевелился. Только когда на пустынных аллеях показались бездомные собаки, он бросился бегом к своему родному дому. Но уже у ворот его встретили неприятные неожиданности. Вооруженный сторож преградил ему дорогу.

— Ты кто такой? — спросил он сурово.

— Я — бедный принц.

Сторож чуть не покатился со смеху, щеки его раздулись: принц нашелся! Перед ним стоял босой, в золотанных панталонах, бедный мальчик.

— Да ты голодранец, просто обыкновенный голодранец! И выброси из головы всякие глупости. Никакой ты не принц.

И хотя Сторож несколько смягчился при виде Мальчика, все-таки он счел нужным не подпускать его близко к воротам. Ведь богатый Торговец строгонастрого наказал: если явится мальчишка, прогнать его вон.

Мальчик стоял молча, чуть не плача. Почему этот вооруженный человек не пускает его? Он стал объяснять, что родился в этом доме, и никто не имеет права отнимать его у него.

— Все, что ты мне рассказываешь — правда, но никакой ошибки здесь нет.

— Как это так? — не понял Мальчик. — Все верно, а ошибки нет.

— Нет ошибки.

Человек даже положил руку на плечо Мальчика и

этим дал понять, что сочувствует ему. Тот продолжал смотреть на Сторожа удивленными глазами. И он вынужден был подробно объяснить, что дом, в котором родился Мальчик, теперь принадлежит другому. А купил его богатый, очень богатый Торговец.

— Но мамы нету. У кого же Торговец мог купить дом? — не понимал Мальчик.

У Сторожа на глазах показались слезы. Мальчик подумал, что тот не понял и повторил, что дом за оградой, скрытый за большими деревьями — его родной дом, и он не может принадлежать никому другому.

— Это все так, — грустно отвечал Сторож, — но все же хозяином его теперь является Торговец. А купил он дом у кредиторов, которые продали его за долги.

— Нет, здесь какая-то ошибка, — прошептал Мальчик, скорее для того, чтобы успокоить самого себя.

Сторож убедился в том, что Мальчик совсем не подготовлен к тому, чтобы справиться с самыми простыми вещами, и из-за этого ему много придется страдать. Он был уже не молод и хорошо знал, что люди не прощают такой наивности.

— Пусти меня по крайней мере хотя бы в сад, я посижу где-нибудь у ограды. Не пошевелюсь, не пикну, — продолжал сквозь слезы умолять Сторожа Мальчик.

— Не могу я. Без разрешения никого не могу пускать.

— А ты не все исполняй, что тебе приказывают. Сделай что-нибудь и от себя самого.

— А знаешь ли ты, милое дитя, что такое исполнять приказ?

— Не знаю.

— Это значит подчиняться чужой воле, то есть — что тебя вроде как бы и не существует, — объяснял ему сторож.

— Как так? Ты есть — и тебя не существует, — удивился Мальчик.

— Когда ты не можешь делать то, что хочешь, — это значит, что ты как бы и не существуешь.

И все же Мальчик не понимал, почему этот человек не может впустить его. Вот если бы он отошел в сторону или зажмурил глаза, Мальчик легко проскочил бы между его ногами, открыл ворота и — раз! — дальше его скрыла бы густая тьма под кронами деревьев.

— Притворись, пожалуйста, что ты не видел меня, — грустно попросил Мальчик.

— Не могу. Ведь я уже сказал тебе, что мне запрещено.

„Маленький бедный принц“, припомнил Мальчик слова Матери и больше не стал разговаривать со Сторожем.

Он свернулся клубочком у каменной ограды и почувствовал, что дрожит. И на сердце тяжело было у него, и холод пробирал до костей.

Сторож — человек бедный, не однажды испытывавший холод и голод, не мог смотреть на изгнанного сироту и, чтобы не расплакаться, отвернулся. Тогда Мальчик вскочил и быстро перепрыгнул через ограду.

„А, будь — что будет“, — сказал себе Сторож и не стал никого звать.

Перед запертой дверью

Мальчик, хоть и не был согласен со Сторожем, все же кое-что понял из разговора с ним. Он старался ступать как можно тише по темным аллеям парка.

Подойдя к парадной двери, он осторожно нажал на медную ручку. Она даже не шевельнулась: дверь была заперта на ключ. Он вспомнил про условное место, где они с мамой обычно оставляли ключ. Там было пусто. Это не так уж страшно: даже если Торговец и купил дом, то он не посмеет отнять комнату, в которой он родился и рос. Так что в случае, если даже входные двери будут всегда закрыты, он сможет влезать в окно. Очень просто: взберется на яблоню, ветви которой чуть ли не проникали в самую его комнату.

Мальчик двинулся вдоль стены, но яблоня, с которой столько лет он срывал вкусные, крупные плоды, лежала срубленная на зеленой траве. И все же он продолжал думать, что произошла какая-то ошибка. Подойдя к освещенному окну, он крикнул:

— Пустите меня!

— Ты кто такой? — донесся сердитый голос.

— Я...

— Кто — „я“?

Мальчик понял, что у него нет времени все объяснять подробно и ответил:

— Один бедный принц.

— Что еще за принц? Да ты просто оборванец, и ничего больше, — начал смеяться человек, показавшийся в окне.

— Нет, принц, я — принц! — настаивал Мальчик.

— Кто тебя пустил сюда?

— Зачем нужно, чтобы кто-то пускал меня в мой родной дом?

— Если ты не скажешь, кто тебя пустил, я натравлю на тебя собак. А зубы у них ой какие острые, они быстренько тебя разорвут, — стал запугивать его человек в окне.

— Все равно я — принц, — уже смущенно, но настойчиво твердил Мальчик.

— Ну, отвечай, кто тебя пустил! — не на шутку разозлился мужчина.

— Я перескочил через ограду, — признался Мальчик и бросился бежать.

Сторожа искали его по всему парку, но не подумали заглянуть в кустарник, густой и ветвистый, росший у самой стены дома. Они даже и мысли не допускали, что Мальчик может скрываться так близко.

Разгневанный Торговец приказал привести Сторожа: как смел он допустить, чтобы вопреки приказу, какие-то оборванцы перескакивали через ограду! Сторож упал на колени. В другой раз он не пропустит и воздух с улицы, не то что каких-то оборванцев. Но господин не желал прощать и уволил с работы.

Опечаленный, Сторож принялся корить себя:

— Никогда не делай добро только для того, чтобы успокоить свою совесть. Если уж ты делаешь добро, то делай его до конца и будь готов защищать его. Я должен был помочь Мальчику. Хорошо еще, что он продолжает верить в то, что он принц. А теперь вот и он, и я — оба пострадали.

А в это самое время в кустах дрожал от холода бедный сирота.

Разговор со звездами

Мальчик недолго оставался там. Если его обнаружат, рассуждал он, то ему придется очень плохо. И поэтому он чуть слышными шажками, с громко бьющимся сердцем, вышел на улицу. Спрятавшись в темном уголке у ограды, он прилег там, немного успокоился, и отяжелевшие веки закрыли его усталые глаза. С ясного звездного неба спускался острый холод, он про-

бирался под дырявую его одежонку и насквозь пронизывал все его тело.

„Ты — маленький бедный принц“, — произнес он тихонько слова своей матери, веря в то, что они принесут ему облегчение и согреют его.

Но не стало ему ни легче, ни теплее. Все же и теперь он не усомнился в силе материнских слов, ему даже в голову не пришло отказываться от них. Он придвинулся ближе к стене и замерз еще сильнее. Куда идти? Кто его приласкает? У него не было близких, кроме матери, пусть и мертвой. И через некоторое время он заспешил по извилистым темным улочкам в сторону кладбища. Подойдя к могиле матери, он опустился на нее, словно Мать принимала его в свои теплые, согревающие объятия, и заснул спокойно, будто и не его касались перипетии случившегося.

Неожиданно откуда-то с высоты звездного неба упали на землю яркие лучи. У самой земли они приостановили свой сумасшедший полет, коснулись сироты и согрели его своим ласковым теплом. Он пробудился и ахнул от удивления: над его головой, сплетаясь в светлый венок, танцевало множество звездочек. Он протянул руки, желая дотронуться до них, чтобы поблагодарить за то, что они не оставили его одного.

— Ах, как вы прекрасно танцуете! — воскликнул он.

— Мы никогда не танцуем для себя. Даже лучи, которые мы излучаем и без которых не можем жить, — тоже для других, — ответила самая маленькая из звездочек.

— А что вы делаете сейчас? — весь просияв, спросил Мальчик.

— Мы сошли с неба, чтобы найти себе друзей.

— А когда вы находите себе друзей, то что тогда делаете?

— Вселяемся в них.

— И не покидаете их?

— Если только они не продадут нас.

— Продажа — это очень большое зло, — сказал Мальчик.

И он рассказал о своей матери, о Торговце, который прогнал его из родного дома только потому, что купил усадьбу у кредиторов.

— Нас, звездочек, тоже продают, но не за деньги.

— А за что?

— За плохие поступки.

— Эх, если бы меня избрала своим другом какая-нибудь звездочка, пусть даже самая маленькая, я бы всегда был ей верен. Я бы дружил только с ней и никогда бы не продал ее, — восторженно сказал Мальчик.

Слова его были столь искренни, что едва ли нашлась бы звезда, которая не пожелала бы иметь его своим другом.

— А я, например, нравлюсь тебе? — спросила его маленькая Звездочка и притихла, ожидая его ответа.

— Я был бы очень счастлив, если бы ты стала моим другом.

— А ты не хочешь другую, большую?

— Нет, мне достаточно и того, что ты звездочка — пусть даже самая маленькая из самых маленьких.

— Я очень рада, что нравлюсь тебе. Я никогда не покину тебя; только если ты сам захочешь продать меня.

Мальчик протянул руку, чтобы погладить ее, но... Ведь Звездочка сказала, что никогда не оставит его, а он вот не видит ее, даже не заметил, когда она успела исчезнуть.

— Моя звездочка! — испуганно позвал он.

— Я здесь, здесь, — откликнулась Звездочка откуда-то из его груди.

Мальчик даже подскочил от затрепетавшей в его груди радости. Тем временем начало светать.

— Мы улетаем, — возвестили звезды и — теперь уже без самой маленькой — исчезли в вышине.

— Эй, Звездочка, ты здесь? — спросил Мальчик.

— Здесь, — ответила та. — Знай: ты теперь будешь только чувствовать меня, но видеть меня уже не сможешь.

— Ах, как я теперь счастлив, — прошептал Мальчик и стал ждать ее совета, в какую сторону ему направляться. Она поняла его желание и объяснила, что когда звездочки вселяются в кого-нибудь, они становятся его частицей, а сам он тогда добрее.

— А есть люди без звезд? — спросил ее Мальчик.

— Когда двинемся в путь, всех по дороге встретим.

— Давай пойдем снова в мой родной дом.

— Хорошо, — согласилась Звездочка, — но знай, что у Торговца нет звезды в сердце, не обольщайся, что ты найдешь с ним общий язык.

— Пусть будет так, но ты со мной, и я ничего не боюсь! — громко воскликнул Мальчик.

В крысином царстве

Мальчик перелез через ограду. Пробирался он тихо и осторожно. Много он узнал, но все еще не мог понять, как это возможно, чтобы человека изгнали из его собственного дома. Правда, то, что Торговец из тех людей, которые ни за что на свете не признаются в своей ошибке, он понял.

Потому сейчас Мальчик уже не решился подойти к освещенному окну своей комнаты. Он притаился в ветвях поваленной яблони. И, даже если бы ему не

было холодно, он знал, что долго оставаться тут не сможет: скоро рассветет, его обнаружат, и тогда уж Торговец обязательно натравит на него своих собак. Как бы ни охраняла его Звездочка, они непременно разорвут его.

Мальчику были известны все тайные входы и выходы в доме. По ним он пробрался на чердак и там укрылся в самом темном и дальнем углу. Даже если кто-нибудь и появится с фонарем у входа, то все равно не сможет увидеть его там. Все равно скоро разъяснится, что произошла ошибка, и ему вернут отнятый дом. Жаль только, что яблоню срубили...

Мальчик заснул. Он вздрагивал во сне, словно его засыпало снегом. Вдруг теплые пальцы погладили его лицо, и до него донесся шепот матери: „Мой маленький бедный принц“. Эти слова вместе со Звездочкой были единственным его богатством. Да, он не должен был так скоро покидать ее могилу. Ничего, — он сейчас встанет и пойдет туда. Он сделал шаг, но кто-то в это время мелькнул в темноте. И писклявое „скрц-скрц“ нарушило тишину.

— Кто там? — испуганно спросил Мальчик и для большей безопасности спрятался за одну из балок.

— Как, неужели ты меня не узнаешь? — обиженно откликнулся кто-то из темноты.

— Нет, не узнаю, — чистосердечно признался Мальчик.

— Я — крысиный царь. Чердак мой! Кто бы ты ни был, обязан мне подчиняться. А ты даже не дал себе труда узнать меня. Какая ужасная неучтивость! Но так и быть — на первый раз я тебя прощаю.

— Я действительно не знал: по каким признакам я мог узнать тебя?

— Как — по каким? рассердился Крысиный Царь. — Отличие мое так велико, что его можно уви-

деть и в самую темную ночь. Не видишь что ли, как светится мой хвост? Он — золотой! А ты его не замечаешь...

— Я видел что-то светлое, но подумал, что сквозь крышу проник лунный луч.

— Смешное дело. Если какой-нибудь луч заблестит, как мой золотой хвост, я сразу же посылаю какую-нибудь крысу или лучше маленькую мышку, чтобы она заткнула дырку, сквозь которую он посмел проникнуть. Запомни раз и навсегда — тут, на моем чердаке, светится только мой хвост.

— Если бы не золотой хвост, — прошептал Мальчик, — то ты ничем бы не отличался от других крыс.

— Ты мне не нравишься.

— Почему?

— Слишком много рассуждаешь. Самое важное я тебе уже сказал. Теперь повторяю: только у меня — царя крыс — золотой хвост.

— Это я уже слышал.

— А ты кто такой?

— Я — принц.

— Ну, если это так, то добро пожаловать в мои владения.

И Крысиный Царь стал внимательно присматриваться к Мальчику, потом недоверчиво попросил его показать свои знаки отличия.

— Какие знаки отличия?

— Очень простые. Принцев может отличать только одно — золото.

— Мое отличие — это не золото.

— А что же?

— Звездочка.

— Это может быть и звездочка, но только золотая.

— Нет, нет, ты не понимаешь, — стал объяснять Мальчик, — моя Звездочка не золотая, она живая. Она прилетела с неба, я стал ее другом. И теперь я никогда ее не продам.

— Ты что-то путаешь, Мальчик. Даже если ты и принц, то тоже какой-то путаный.

И Крысиный Царь приказал ему следовать за собой. Устрашающе завертев своим золотым хвостом, он предупредил Мальчика, что не собирается с ним церемониться.

Они спустились в подземное крысиное царство. Было так темно, что Мальчик споткнулся и случайно коснулся светящегося хвоста Крысиного Царя. Он был холодным.

— Светит, но не греет, — произнес Мальчик.

— Я же сказал тебе, что он золотой. А ты вот сейчас и выдал себя...

— Чем же? — удивился Мальчик.

— Я понял! — крикнул ему Крысиный Царь. — Ты даже и не путаный принц, а вообще — никакой. Если бы ты был принц, то сразу бы распознал блеск золота. Ты бы знал, как надо его беречь и ценить. Фю-уу, никакой ты не принц. Золото светит, но не греет, потому, что если ему еще греть, то оно сгорит.

— Не пойду я за таким золотом, что светит, да не греет.

— Значит, — не хочешь за мной следовать? — рассердился Царь, и в тот же миг в темноте блеснули его острые зубы.

— Хочу, но не за тобой.

— А за кем?

— Хочу за лучом или светом, хочу — на мольбу или крик о помощи, но идти вслед за блеском, который не греет, — никогда!

— Как так?

— То, что только светит, но не греет, лишь манит нас и вводит в заблуждение.

— А ну, говори — идешь за мной или нет?

— Я уже сказал — нет.

— А я сказал — не потерплю неподчинения.

— И все-таки я не пойду.

— Я заставлю тебя!

— Как? — наивно спросил Мальчик.

— Я прикажу крысам, чтобы они выцарапали тебе глаза, а потом сердце.

— Пусть! Я все равно не пойду вслед за тем, что светит, но не греет.

— Неподчинение мне неведомо. В моем царстве властвует тьма. В нем нет ни одного луча. Вот это богатство.

Сказал так Крысиный Царь с золотым хвостом и приказал крысам и мышам напасть на Мальчика.

Откажись от своей Звездочки!

Дюжина огромных крыс приблизилась к Мальчику. Они скалили свои острые зубы и угрожающе щелкали ими. Ух! Неизвестно, что они могут сделать с ним...

Наконец все достигли самой темной части тоннеля, той, где находилась нора, в которую влезал только сам Царь. Вот появился и он. Несколько крыс бережно несли его золотой хвост, пока он поднимался на пьедестал. Теперь он возвышался над всеми. Вот Царь торжественно спросил Мальчика, в чем состоит его отличие.

— В одной маленькой Звездочке.

— Ненавижу звезды — ни маленькие, ни большие — никакие, — рассердился Крысиный Царь.

— Моя Звездочка живет в моем сердце. Она никому не мешает...

— Даже если бы ты был настоящим принцем, я все равно не стал бы тебя слушать. А теперь... У тебя осталась одна возможность. Признай себя виновным. Это единственное, что может тебе помочь.

— В чем виновным? — спросил Мальчик.

— Богатство моего царства — это темнота. Свет в нем — это самое отвратительное. А ты даешь приют каким-то звездочкам. Если признаешь себя виновным, мы еще как-нибудь разберемся. А если разберемся, то выиграешь ты, а не я.

Крысы, окружавшие Мальчика, мгновенно оскалили свои зубы и закричали:

— Откажись от своей Звездочки!

— А если она не захочет расстаться со мной?

— Звезды есть звезды. Но только до тех пор, пока кто-то следует за их светом — этим самым ненадежным советником всякого живого существа, — прогнусавил Царь и даже головой затряс от отвращения. — Так что ты очень просто можешь отречься от Звезды. Скажи, что ты наш друг — крысиный. И считай, что ее уже нет. Звезды, когда они светят — наши враги. Всего нескольких достаточно, чтобы разорить мое царство. Ну, отказываешься?

— Не могу.

— Значит, не будешь мне подчиняться? — и Крысиный Царь так оскалил зубы, что Мальчик подумал: „Эти огромные острые зубы — вот его настоящий отличительный знак, а не золотой хвост...“

— Выслушай меня, — попросил Мальчик. — Я расскажу, почему не могу отказаться от своей Звездочки.

— Говори, — согласился Царь.

— Я был изгнан из собственного дома. Пошел на могилу Матери. Вокруг меня лаяли голодные псы, и я испугался и крикнул: „Мама!“. Но темнота не ответила мне. Я не верил в то, что кто-то может прийти и

спасти меня от страха, и заплакал. Тогда ко мне спустилось много звезд. Одна, самая маленькая, сказала, что хочет быть моим другом. Я всплеснул руками от радости, назвал ее моей, и она скрылась — не где-нибудь, а в моем сердце. Пока она живет в нем, я никогда не бываю одинок. И не боюсь теперь ни собак, ни темноты, — ничего. Звездочка дарит мне смелость и тепло. Разве я могу отказаться от нее? Никогда, никогда!..

— Эти вредные советы, конечно, дает тебе Звездочка? Выброси ее, и я тебя уверяю, что жить ты будешь спокойнее, без риска. Верность обещаниям связывает тебя. Пренебрегай ею всегда, когда это тебе выгодно, и всегда будешь чувствовать себя уверенно.

— Нет, я останусь верным своей Звездочке.

— Что тебе даст эта верность? Не только ничего не даст, но ты еще и загубишь себя!

— Каким образом?

— О, это так просто, что не требует большого ума.

Царь завертел своим золотым хвостом, это на крысином языке что-то означало. И очень скоро мальчик понял, что именно.

Одна из крыс прыгнула ему на грудь.

— Ну, где скрывается твоя Звездочка? — спросила она.

— Я не совсем уверен, но чувствую, что она находится в моем сердце.

— Так я и знала. Они всегда вселяются во что-нибудь самое главное. Специально, чтобы развратить, погубить его. Эти проклятые звезды!

И крыса, сидевшая у мальчика на груди, впиалась своими острыми зубами в то место, где беспокойно билось его сердце. Мальчик подскочил от боли.

— Что — больно?

— Больно.

— Скажи, что ты нам друг, и мы попросим прощения за ту боль, которую причинили тебе. Второй раз самым доброжелательным образом советую тебе сделать это, — слышался снова голос Крысиного Царя.

— Ни за что на свете, — был непреклонен Мальчик.

Тогда крыса укусила его сильнее. Он вскрикнул, и по его груди потекла кровь.

— Видишь теперь, какие нехорошие советы дает тебе твоя Звездочка? Если бы не она, ты давно бы уже согласился быть нашим другом, и мы не только не угрожали бы тебе, но угостили бы сейчас самыми изысканными яствами. Они хоть и крысиные, но очень вкусные, уверяю тебя. Откажись от своей проклятой советчицы и заживешь что надо. Никто уж не даст тебе вредных советов.

— Не откажусь, — ответил Мальчик.

— Эх, какая же она непонятливая: живет себе в тепле и не хочет уступать. Погубит сна его.

— Ни за что на свете не откажусь от моей Звездочки! — крикнул Мальчик.

И чтобы наказать его за упорство, крысы бросились на него и стали впиваться когтями и зубами в его тело и ожесточенно кусать.

— Оставьте его! — раздался в темном тоннеле чей-то приказ.

Крысы мигом оставили Мальчика. Вскочил и крысиный Царь. Он не осмелился уже, как раньше, размахивать своим золотым хвостом.

Спасибо!

Этот неизвестный голос спас Мальчика от острых крысиных зубов. И он бросился туда, откуда доносил-

ся этот голос. В темноте что-то блеснуло, засияло... И он упал на колени...

В тот же момент его обдало холодом, словно подул злой северный ветер, и он скорее почувствовал, чем увидел, что перед ним большая Глыба льда. Несмотря на это, он продолжал повторять оди о и то же:

— Спасибо, спасибо!

— То, что ты говоришь „спасибо“ — это хорошо, — ответила Глыба льда и дотронулась до него, как бы желая погладить.

Но разве холод может приласкать? Разве лед может согреть? Мальчик вздрогнул от прикосновения Лыдины. Он сделал то, что сделал бы всякий на его месте — отскочил от нее.

— Почему ты убегаешь? Подойди ближе!

И Глыба льда, правда несколько неповоротливо, сама пододвинулась к Мальчику.

Еще сильнее он ощутил ее холодное дыхание.

— Я замерзну. Оставь меня.

— Не бойся. Я не из тех, кто преследует тебя. И не потому, что не хочу, а потому, что мне трудно передвигаться. Я люто ненавижу всякое тепло и преследую его, где бы оно ни находилось и в ком бы ни появилось. Но тебя, — обратилась она к Мальчику, — самым дружеским образом заверяю: убегать от меня — это значит убегать от своего счастья. Приблизься же ко мне.

— Не могу. Даже дыхание твоё, касаясь меня, промораживает до костей.

— Подожди, я хочу кое-что объяснить тебе.

— Не хочу. Я не мертвый камень, чтобы не ощущать твоего холода. Разве будет лучше, если я привыкну к нему?

— Будет легче. Но прежде одно маленькое объяс-

нение. Я не стремлюсь к тому, чтобы твоя кровь застыла. Ни в коем случае! Пользу ты сможешь принести самому себе, только если откажешься от тепла своего сердца.

— Чего же я смогу достичь этим? — удивился Мальчик.

— Откажись от доброты своих поступков, и многое выиграешь. Никакие чужие заботы не будут тебя смущать. С полным равнодушием ты будешь проходить мимо чужих страданий. Разве этого мало? И знай, что только будучи холодным и равнодушным, ты сможешь утвердить свою власть над другими. Послушаешься меня, никто и ничто не отвлечет тебя от твоих дел. Человек успевает сделать что-то только тогда, когда заботится лишь о самом себе. Станешь думать о других, тебе всегда будет трудно. Запомни это. Хочешь, чтобы тебе хорошо жилось?

— Хочу.

— Тогда изгони свою Звездочку. До тех пор, пока она в твоём сердце, ты не сможешь понять меня. Она вселилась в твоё сердце специально для того, чтобы мучить тебя заботами о других. Если ты будешь думать о других, тебе никогда не будет сопутствовать успех.

— Ну и пусть, все равно я не откажусь от Звездочки. Она самый добрый мой друг.

И Мальчик положил руку на свою искусанную грудь: туда, где было его сердце и в нём — поселившаяся там Звездочка.

— Да, покорила тебя Звездочка. Ты так и не сможешь понять выгоды моих предложений. Ну что ж, твоё дело... Уходи и мытарствуй себе по дорогам людских горестей. Я не виновата, что ты меня не послушался.

Льдина откатилась от выхода из тоннеля, и туда сразу же заглянул теплый солнечный луч.

За что вы бьете его?

Мальчик выбежал из темноты крысиного царства, всплеснул руками от радости, подскочил вверх. Он легко неся по тропинке, извивавшейся по зеленым лужайкам и смеялся. Лицо его лучилось радостью, словно весенний восход. Никогда он не чувствовал себя таким счастливым.

Но это продолжалось недолго.

Он увидел, что какой-то громадный Мужчина погнался за ребенком и, настигнув его, сорвал рваную рубашонку и начал бить его гибким прутом.

Мальчонка корчился, стараясь уклониться от ударов, но на его отчаянные крики о помощи никто не откликался.

Тогда Мальчик кинулся прямо через поле, крича:
— Оставьте его! Оставьте его!

Верзила даже не обернулся, чтобы посмотреть, кто это осмелился вмешаться, и продолжал хлестать прутом по голой спине ребенка. Мальчик встал перед ним и поднял свои кулачки. Он кричал ему в лицо, что тот поступает несправедливо. Верзила слушал его усмехаясь, потом сгреб одной рукой, и прут заходил ходуном по спине Мальчика. Он бил и бил его, пока не устал, потом отшвырнул в канаву при дороге.

Мальчик громко стонал. Его мучила не только боль, но и изнуряющая жажда, которая с каждой минутой становилась все сильнее, так как солнце все выше поднималось над горизонтом.

И тогда перед ним снова выросла знакомая Глыба льда.

— Если бы ты отказался тогда от своей Звездочки, никто бы тебя теперь и пальцем не тронул, — сказала она Мальчику.

— За что он избил меня?

— Не нужно было вмешиваться. Ты должен был только слушать крики, но не откликаться на них. Просто пройти мимо. Пройдешь мимо чужой беды — только выиграешь.

Произнесла это Лыдина и поскорее скрылась: боялась она светлого дня.

— Я здесь, я здесь, — услышал он голос своей Звездочки. — Если захочешь, я никогда тебя не покину.

— Спасибо тебе, — благодарный, ответил Мальчик.

Только он произнес эти слова, как к нему подошел ребенок, которого недавно избивал верзила и, озираясь по сторонам, опасаясь как бы его не увидел прежний обидчик — его хозяин, он подал Мальчику яблоко и баклажку из тыквы, доверху наполненную водой.

Мальчик понял, что и у других тоже есть свои Звездочки, и на его распухших от побоев губах появилась улыбка.

И зачем тебе эта Звезда?

Мальчик еще долго лежал у дороги. Лишь к закату солнца силы вернулись к нему. Он приподнялся и услышал, что над лугами разносится чья-то нежная песня. „У этого певца должно быть доброе сердце“, — подумал Мальчик и поспешил на голос. Когда он подошел ближе, то увидел поющего человека, который держал в руке сверкающую саблю.

— Ты поешь и своей саблей прогоняешь зло? — радостно спросил человека обрадованный Мальчик.

— Ха - ха - ха! — рассмеялся Человек. — Я злой разбойник. Песенкой я приманиваю свои жертвы, а потом протыкаю саблей. Я тебя сейчас тоже убью!

И стальное острие сабли просвистело над головой мальчика.

— Я не сделал тебе ничего плохого. За что тебе убивать меня?

— Ничего. Но я все равно не изменю своего решения.

И Разбойник повалил Мальчика на землю. Он обшарил его, пальцами залез ему в рот: не скрыл ли тот под языком золотую монетку.

— Э, только время зря потерял, — разозлился он. — Но я все равно тебя убью. Мне надо форму поддерживать, а сегодня я еще никого не убил. Вот ты и будешь первым.

Мальчик задрожал от страха.

— Я с тобой, — услышал он ободряющий голос Звездочки и почувствовал, как страх отступает.

Разбойник смотрел на него и диву давался: до сих пор он еще никогда не встречал мужчину, а уж тем более мальчишку, — который бы был столь бесстрашен. И хотя саблю он не спрятал, но уже спокойно спросил Мальчика, почему он не испугался. Не сумасшедший же он, чтобы не понять, чем это ему грозит. Ведь разбойник если что решит, то исполнит это и глазом не моргнет. Или уж ему так жить надоело, что он ничего не боится?

— Нет, нет. Я очень даже боюсь, — признался Мальчик и вспомнил крыс и Льдину, от которых едва вырвался.

— Значит, жизнь тебе все-таки мила? — повторил Разбойник.

- Очень.
- Почему же ты в таком случае не испугался?
- У меня есть своя Звездочка.
- И где же она?
- Вот здесь.

И Мальчик показал на свою грудь под разорванной рубахой.

— Откуда мне знать, что ты меня не обманываешь?

— Но ведь я тебе сказал об этом. Или ты не веришь словам?

— Мы, разбойники, словам не верим.

— Тогда я попрошу свою Звездочку отозваться.

— А ну, давай!

— Я здесь, я здесь, — откликнулась Звездочка.

— Слышал? — обернулся Мальчик к Разбойнику.

— Слышать-то слышал, но я не верю невидимкам.

Вопреки этому он вложил саблю в ножны. Потом задумался и примирительно сказал самому себе:

— Я силен, опытен, я много повидал, и все равно боюсь. Наверное потому, что у меня нет своей Звездочки.

— Может быть и так, — согласился Мальчик.

— Э-ей — крикнул Разбойник, подняв лицо к небу.

Он остановил взгляд на одной большой звезде и спросил ее, хочет ли она стать его другом.

— А зачем это тебе? — спросила звезда.

— Чтобы ничего не бояться.

— Для чего это тебе — ничего не бояться?

— Вот тебе раз! — удивился Разбойник, — звезда, а не знаешь. Если я не буду ничего бояться, то скоро стану самым богатым человеком на свете.

— Каким образом? — удивленно спросила Звезда.

— Очень просто. Стану нападать на людей,

ничего не боясь. Буду убивать, грабить. Таким вот образом и разбогатею. Тогда сделаю для тебя золотую клетку, украшу ее бриллиантами и алмазами. Пойдешь ко мне?

— Если я пойду к тебе, то выйдет, что я тебя поддерживаю. У меня только один дворец — сердце человека, — ответила Звезда гневно и мгновенно выстрелила лучом в Разбойника.

Он опрокинулся в яму и, перепугавшись, что яркий свет луча ослепит его, закрыл глаза от страха.

Звезда исчезла в небе. Разбойник еще долго сидел в яме. Он совсем неожиданно для себя стал задумчив и принялся размышлять, а как известно, всякое размышление есть поиски истины. Одна ничтожная мысль буквально перевернула ему душу: а правильно ли он поступал, когда убивал и грабил? Разбойнику как будто бы удалось отогнать эту мысль, но через минуту он тихо сказал себе самому:

— Не захотела звезда сойти ко мне. Других она радует своим светом, а меня только напугала.

— Не забудь, что ты поклялся мне в верности, — услышал громкий голос, и перед ним предстала Черная тень.

— Ты кто? — встрепенулся Разбойник и выхватил из ножен саблю.

— Спрячь свою игрушку, — остановила его Черная тень. — Меня может уничтожить совсем другое...

— Знаю что — свет, — сказал Разбойник и извинился перед ней, что не узнал ее сразу.

— Кажется, ты на правильном пути, но еще не совсем. Я боюсь поступков, которые порождают свет.

— Понял, понял. Я это сразу понял, — ответил Разбойник.

Понять понял, а начал колебаться, — прервала

его Черная тень. — И не забывай, что всякое колебание есть измена, — пригрозила она ему.

— Хорошо, хорошо, уж я останусь тебе верен. Не сомневаться буду, а действовать, — согласился Разбойник. — Однако мальчишка очень уж хлипок. Стоит ли связываться с ним?

— И еще как! — прорычала Черная тень. — Не думать надо, а помнить клятву.

— Я запомню все, что ты мне прикажешь.

— Не мальчишка силен, а Звезда в его сердце. Она мне мешает, — быстро сказала Черная тень.

— Точнее сказать, — продолжал Разбойник, — я только исполню твои наказания. Никогда не буду спрашивать тебя — права ты или нет. И так же буду верен тебе всегда, — поклялся еще раз Разбойник.

— Вот таким ты мне нравишься.

И Черная тень в качестве награды прикоснулась к нему.

Разбойник, чрезвычайно довольный, стал перед ней по стойке смирно.

ТРИН

Легче справиться с дьяволенком

Наступила ночь. В небе сияли крупные звезды. Мальчик шагал через поляны, вдыхал аромат зеленой травы и улыбался. „Ты — бедный принц“, — повторял он слова Матери, и уже в который раз убеждался в том, что они, эти слова, и Звездочка — это и есть его самое большое богатство. В его груди, словно только что вылупившаяся птичка, трепетала радость. Он уже собирался запеть песенку, как Черная тень преградила ему дорогу. Лишь сейчас Мальчик заметил, какая она страшная и зловещая, и, хотя ночью была теплой, его стало знобить от холода.

— Звездочка! — испуганно вскрикнул он.

— Ага! — разозлилась Черная тень. — Будешь искать у нее помощи, не видать тебе больше белого дня.

— Что я тебе сделал плохого, что ты преследуешь меня и пугаешь?

— Не спорь! Откажись от своей Звездочки, и тогда я тебя оставлю в покое! Скрывать не стану: я ненавижу звезды.

— За что?

— По многим причинам. Я никогда не могу достать их. А они светят и светят.

— Как хорошо, что они светят.

— Они только людей смущают.

— Как?

— Вселится в какого-нибудь легковверного такая вот Звезда, и он начинает заботиться о других. А мы, тени, любим тех, кто думает только о себе. Те, кто знается со звездами, мешают нам. Вот и ты мне мешаешь! Поэтому я уже ложу тебя. И будь что будет!

— Пусть! Я все равно не откажусь от Звездочки, — ответил Мальчик. — Она направляет меня и советует мне, как поступать.

— Я дам тебе лучшего советника и помощника.

Произнесла это Черная тень и словно откуда-то изнутри этой зловещей колдуньи выпрыгнул Дьяволенок. Он поклонился и сказал:

— Спасибо, большое спасибо.

— Хорошо, хорошо, мой Дьяволеночек, — погладила его Черная тень.

— Вместо того, чтобы бежать от нее, ты ее благодаришь, — тихо сказал Мальчик.

— Как же мне не благодарить ее? Она выпустила меня. Я могу что хочешь натворить.

И черный Дьяволенок принялся прыгать от радости то на одной, то на другой ноге.

— Рано радуешься! — накинулась на него Черная тень. — Сначала дело сделай, потом радуйся. И запомни: у тебя есть работа, а будешь шуметь, самому себе помешаешь!

— Запомню, запомню, — и Дьяволенок поклонился ей еще ниже.

— Не спеши! — остановила его Черная тень. — Никогда не спеши радоваться. Радость часто вселяет в нас покой там, где мы должны быть бдительны. Спокойствие заставляет нас пропускать разные важные дела, которым Дьяволенок должен всегда препятствовать. Не забывай, что у нас много работы. Смотри, сколько звезд в небе. Каждая так и норовит вселиться в чье-нибудь сердце. А сердца и звезды только и ждут того, чтобы соединиться. Не думай, что тебе многое известно. Вещи меняются, и никто не может утверждать, что он знает все.

— Я всегда буду помнить это наставление, — ответил Дьяволенок, и еще раз низко поклонился.

Черная тень мягко обратилась к Мальчику.

— Я даю тебе в друзья Дьяволенка, — сказала она ему. — Не пугайся того, что он черный. Будешь ему другом, от этой черноты только добро увидишь.

— Какое же добро может быть от Дьяволенка? — наивно спросил Мальчик.

— С Дьяволенком в друзьях, — усмехнулась Черная тень, — ты заживешь припеваючи.

— Я всегда буду советовать только то, — откликнулся Дьяволенок, — что принесет тебе пользу.

— Что же?

— Многое. Например, как сделать так, чтобы никто тебя не обманул, а ты сам бы всех обманул. Разве это не полезно?

И Дьяволенок приблизил свою косматую улыбающуюся мордочку к Мальчику.

— Не смотри, что я такой маленький. Всякие проделки и хитрости я чувствую уже тогда, когда они еще витают в воздухе.

И они тронулись в путь.

Дьяволенок, радостно подпрыгивая, бежал впереди Мальчика. Небо стало светлеть, звезды побледнели, поднималась серебристая заря. Скоро совсем рассвело, и над землей воцарился большой белый день.

Дьяволенок впервые попал в такой светлый мир и инстинктивно схватился за Мальчика, словно ища у него поддержки.

— Это солнце.

— Ой, как страшно, — в испуге шептал Дьяволенок.

— Не бойся, — успокаивал его Мальчик, — смотри, как прекрасно вокруг.

И он указал Дьяволенку на расцветшие травы, зеленые леса, снежные вершины гор, на птиц в небе, на пчел и бабочек, порхающих над морем цветов.

— Какая красота, какая красота! — как зачарованный, повторял Мальчик.

— Ее можно есть? — спросил Дьяволенок.

— Кого?

— Красоту.

— Ты не был бы Дьяволенком, если бы мог просто радоваться и восхищаться ею. Но раз спрашиваешь, значит, не такой уж ты страшный.

Мальчик продолжал объяснять ему, что красиво и что нет. Красивым вещам могут радоваться все. И чем больше ты им радуешься, тем ближе они тебе становятся. А те вещи, которые можно съесть, удовлетворяют лишь одного и затем исчезают.

— Ничего не понимаю, — повторял Дьяволенок и все более растерянный, жался к Мальчику.

— Красивые вещи долговечнее, — заключил Мальчик.

— Эй, уж не хочешь ли ты разными глупыми выдумками отвлечь меня от моих дел, — спохватился он, но все же продолжал слушать, что красиво и что нет.

Но за тем, как он исполняет свое дело, оказалось, тоже наблюдали. На них вихрем налетела Черная тень. Она была страшно разгневана, нагнала холод, от которого увяли цветы, поспешили спрятаться пчелы и птицы. Подул и завыл лютый ветер.

— Уничтожу тебя! — прошипела она в лицо Мальчику.

— За что?

— Ты развращаешь мне Дьяволенка. Думаешь, легко воспитать такого Дьяволенка, да?... — И Черная тень дунула в лицо Мальчика холодом и морозом.

— Как это — развращаю?

— Показываешь ему всякую там красоту.

— Что в этом плохого?

Черная тень еще больше разозлилась. Она закрутила вокруг Мальчика настоящий вихрь и у-у-у-! — чуть не подняла его над землей.

— Я с тобой, не бойся, — отозвалась из самого сердца светлая его приятельница.

*Чего ты меня так нахваливаешь,
что — я скоро умру?*

Черная тень отлетела.

И вдруг ему показалось, что в поле, прямо перед ним, распустился огромный цветок. Мальчик вглядел-

ся в него. Нет, это не цветок. Но что же тогда? Окажись это сама принцесса, откуда ей взять такую красу. А может быть фея, что дает мантию из жемчуга и бриллиантов каждому, кто ей встретится? Неземное это создание или само счастье?

— Самая прекрасная из всех прекрасных, — заговорил Мальчик первым. — Разве я не достоин того, чтобы ты открыла хоть на миг лицо и глаза свои? Даже если, взглянув в них, я умру от их блеска, я буду считать себя счастливым.

— Не отклоняйся в сторону!

— Прекрасная из прекрасных, скажи же мне свое имя.

— Прежде ответь, нравлюсь ли я тебе?

Мальчик ожидал, что голос ее напевнее песни, что он журчит, как горный ручей, что он, как дыхание весенних цветов. А этот голос заставил мальчика отпрянуть в сторону. Он никому бы не мог показаться ласковым.

— Прекрасная из прекрасных, — грустно произнес Мальчик, — уж не околдована ли ты? У меня есть Звездочка, и вместе с ней мы сделаем все, чтобы освободить тебя от колдовства, от того чуждого, что откликнулось на мой зов.

— Я не принцесса.

— Кем же ты можешь быть еще, раз ты так прекрасна?

— Я больше чем принцесса. Все жаждут меня иметь.

— Не мучай меня более.

— Я — Похвала! Каждый жаждет меня. Никто не может обойтись без меня.

Мальчик отстранился. Ее голос показался ему еще более грубым. Белые, унизанные бриллиантами и жемчугом пальцы Похвалы коснулись его, и она

заговорила. Мол, более красивых волос, чем у него, она никогда не видела. А жила она сколько свет существует. Поэтому Мальчик не должен сомневаться в правдивости ее слов.

— Ты самый прекрасный из всех, кого я встречала на своем веку, — сказала она ему.

— Нет, нет! — воспротивился он. — Моя мама и моя Звездочка — они куда более прекрасны, чем я. Меня даже сравнивать нельзя с ними.

— О звездах не будем вспоминать, — прервала его Похвала.

— Почему? — спросил Мальчик.

— Я хвалю не для того, чтобы что-то объяснять, выслушивать вопросы и возражения, — быстро произнесла она и коснулась лица Мальчика.

Он слушал ее, но думал о другом.

— Твои пальцы мягки, но от них холодеет сердце. Красивы слова твои, но они не согревают меня. Если ты заколдована, моя Звездочка поможет тебе.

— Не отвлекайся! Детали мешают видеть главное. Знай, что никто, кроме меня, не будет все время только хвалить тебя. Это главное. А ты заладил: „Почему твои пальцы холодны“...

— Почему ты говоришь только о том, что видишь? — прервал ее Мальчик.

— Невидимое меня не интересует.

Мальчик, испуганно обернувшись к Похвале, спросил ее:

— Что — я скоро умру, что ты так нахваливаешь меня?

— Я этого не говорила.

— Зачем же ты тогда только и делаешь, что хвалишь меня?

— Ты — принц.

— Так назвала меня мама. И я верил ей.

— Да, ты принц, — подтвердила Похвала и надела ему на голову золотую, усыпанную бриллиантами корону.

— Зачем она мне?

— Ведь ты принц, и это твое отличие. Разве может быть принц без драгоценного отличия?

Это же самое ему говорил и Крысиный Царь, — припомнил Мальчик и сообразил, что надо быть настороже.

— Не нужна мне никакая золотая корона. Еще обвинят меня в том, что я ее украл. Ведь моя Мать была очень бедна, и когда она умерла, Торговец изгнал меня из родного дома.

— Это не имеет никакого значения.

Мальчик снял корону с головы и опустил ее к ногам Похвалы:

— Если я не заслужил ее, то и дотрагиваться до нее не хочу.

Так Похвала убедилась в том, что Звездочка прочно поселилась в сердце Мальчика. Тогда она решила подвергнуть его дальнейшим испытаниям и предложила продолжить путь.

У Царя, который имел только одного советника — Секиру

Похвала и Мальчик вошли во дворец одного Царя, который имел одного-единственного советника — острую Секиру. В отличие от всех других дворцов перед ним не было вооруженной стражи. Ворота были растворены, и рослые слуги приглашали каждого, кто появлялся: „Входите, входите...“

Но никто не решался по собственному желанию

входить во дворец этого царя. Не хотел входить и Мальчик. Он задрожал и заплакал.

— Так тебе и надо, — злобно процедила Похвала.

Она подняла и забросила его в парк при дворце, который был столь непривычен, что испугал бы и человека с более храбрым сердцем. В этом парке не росло и травинки.

Деревья стояли, как настоящие, и надо было пощупать их, чтобы убедиться в том, что они сделаны из мрамора. Они не шелестели и не меняли листвы. Сколько бы ни заносило их снегом, сколько бы ни оведал их весенний ветер, сколько бы ни согревало солнце, они оставались теми же. И плоды, что свисали с их ветвей, походили на настоящие, но только они никого не могли накормить. Все в парке было делом рук мастера, но живого ничего не было.

Подданные Царя с Секирой следили бдительно за тем, чтобы ни одна травинка не проросла между мраморными плитами. Они уничтожали и самую крохотную живую травку: было предсказано когда-то, что Царь с Секирой будет царствовать до тех пор, пока в царстве его все мертво и только похоже на настоящее, живое.

Мальчик, подгоняемый Похвалой, достиг дворца, построенного в самой середине этого мертвого царства. Дворец походил на утиное яйцо, только огромное и золотое. А царский трон оказался не чем иным, как большим дубовым пнем. Царь сидел на самом его краю, а позади него была забита в пенъ обыкновенная секира.

Белыми, холеными, униженными драгоценными перстнями пальцами царь поглаживал ее и приговаривал:

— Моя ненаглядная, моя незаменимая.

— Не лги мне, сама знаю, что я страшна, — прервала его Секира.

— Моя ненаглядная и незаменимая, — повторял Царь и с улыбкой объяснял ей, что если бы не она, он не мог бы поддерживать покорность среди своих подданных и, если однажды его ослушаются, глядишь — и прорастет какая-нибудь травинка, а тогда — кончилось его царствование.

— Ты прекрасна и умна, очень умна. Ты вершишь самую большую, самую бесценную работу, — нашептывал он ей и еще более нежно проводил пальцами по ее ржавому острию.

Царь говорил совершенно искренне. Если бы она — единственный его советник — не умерщвляла все живое, согласно его воле, то он давным-давно уже не был бы царем. И хотя она была просто уродлива, он не расставался с ней. И именно потому приказал сделать себе трон из деревянного пня: Секира всегда находилась под рукой.

Похвала подвела Мальчика к деревянному трону.

Царь поклонился Похвале:

— Нет ли у тебя какого-нибудь ласкового слова и для меня сегодня? — спросил он ее.

— Не до тебя мне теперь. С тобой просто...

— Обещай мне, — продолжал просить ее Царь, — что когда придешь в другой раз, одаришь меня какой-нибудь похвалой.

— Как мне не хвалить тебя, если ты и твоя Секира часто остаетесь моей единственной надеждой.

— В твоих устах это тоже похвала. И мы с Секирой бесконечно благодарны тебе за этот подарок, — произнес Царь и еще раз поклонился.

— Секира пусть занимается своим делом. И нечего тебе благодарить меня от ее имени, — прервала его Похвала и повернулась, чтобы уйти.

— Приходи почаще, — приглашал Царь. — Ты ой как нужна мне. И знай, что я никогда не смогу насытиться твоими речами.

— Ладно, приду.

Она приказала ему поскорее покончить с Мальчиком и удалилась. Если случалось так, что ей не удавалось с помощью похвалы уничтожить звездочку в чьем-нибудь сердце, она отдавала его во власть секиры.

Царь пригрозил, что в ту же минуту отсечет Мальчику голову.

— Я готова, — обрадовалась Секира. — Без дела я быстро покрываюсь ржавчиной.

Мальчик не испугался крыс, которые едва не загрызли его, не сдался холодной Льдине, его чуть было не пронзил разбойничий нож, он успел бросить семя сомнения даже в душу Дьяволенка, отверг золотую корону, не принял самую сладкую отраву — Похвалу. И как бы еще его ни мучали, он не предаст свою Звездочку — самого доброго и верного своего друга.

— Я тоже готов, — твердо произнес он.

— Ну, наклоняйся.

И Секира повисла над его головой.

— Казни, но знай, что я не боюсь тебя, — крикнул Мальчик и не тронулся с места.

Тогда совершилось чудо.

Секира вдруг утратила всякое желание отрубать ему голову.

— Значит, если кто-то не испугается смерти, я становлюсь бессильна перед ним, — сообразила она и снова оказалась на своем обычном месте рядом с Царем, так и не выполнив его приказания.

Мальчик беспрепятственно прошел через мертвое царство. И вдруг, там, за ним, под огромным чис-

тым небом, раздался радостный хор множества людских голосов. Услышав, что это крики в его честь, он, смущенный, еще не веря, упал на землю.

— Я не совершил ничего героического, никакого подвига, — повторял он. — Я только хранил верность своей Звездочке и не предал ее.

— Ты наш настоящий принц, — громко кричали люди, поднимали его, измученного, в разорванной одежде, и понесли высоко на руках — довольные, радостные и счастливые.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЗУМНОЙ ЧАСТИЦЫ КВАЗИ—ЗВЕЗДЫ

*Одно описание, которое позднее получит
объяснение, если это будет необходимо*

Сэр Арнольдо Барнольдо владел не чем-нибудь, а огромным океанским островом. И если он поднимался на самую высокую вершину, то все равно не мог охватить взглядом все свои земли. Он жил в столь же громадном, сколь и красивом здании. Оно походило на лебедя, изогнувшего шею и разметавшего крылья, словно он вот-вот готов был взлететь над синими водами океана.

Можно было смело сказать, что сэр Арнольдо Барнольдо имел все, что хотел. Его желания, даже самые невероятные, исполнялись тотчас, стоило им только появиться на свет. Не существовало ничего такого, чего бы он ни получил, если, конечно, это было на земле. В его огромных, бескрайних садах распевали птицы, зрели миллионы плодов; как шаловливые дети, разбегались по газонам разные-разные цветы. Пенистые речушки сбегали с покрытых снегом вершин и, перекатываясь по лесистым склонам, утихомиривались, становились спокойными в низине, питали водой нивы и чудесные сады.

Откуда бы ни приходили люди они просили хозяина острова об одном: чтобы разрешил он пустить их в сад насладиться, хоть на самое малое время, этим прекрасным, возможно единственно прекрасным местом на земле. Оно и правда было столь восхитительно, что уже не оставалось ничего такого, что можно было бы добавить к его красе.

Сэр Арнольдо Барнольдо был доволен, но не был счастлив. Его мучило желание сделать свои владения еще более причудливыми, еще более неповторимыми. Именно поэтому, ложась спать, он часто долго не мог заснуть, и утром вставал сердитый, так как не знал, что бы еще такое придумать.

Однажды на прогулке ему пришла в голову мысль — странная, можно сказать, несбыточная: он захотел, чтобы в его владениях царствовали одновременно все четыре времени года: весна, лето, осень и зима. „Великолепно, великолепно“, — повторял он. И сразу же приказал управляющему выполнить то, что ему пришло в голову. Нечего делать. „Слушаюсь“, — только и осталось тому отвечать. Но когда он вышел из господских покоев, помощники, взглянув на него, спросили, не заболел ли он.

— Хуже, — ответил он и рассказал о том, что им предстоит выполнить.

Прибыли на остров самые известные ученые, инженеры, мастера, рабочие. Сэр Арнольдо Барнольдо не жалел средств, и они превратили его владения, которые и без того были прекрасны, как чудо, в еще более великое чудо. И стало так, как того желал господин! Рядом с уголком, где расцветали зеленые весенние травы и благоухали цветы, находился уголок, где был разгар горячего лета, зрели плоды и колосилась пшеница. А невдалеке от него неистовствовал мороз, и льды сковывали реки.

Когда сэр Арнольдо Барнольдо обходил эти маленькие царства, как он называл уголки с разными временами года, на их границах его ожидали лакеи. Они подносили ему тяжелую меховую шубу, когда он переходил из царства осени в царство зимы, и надевали на голову меховой треух. Выйдя из царства зимы и шагнув в царство весны, он сбрасывал шубу на

руки лакеев и, перекидывая в руке легкую бамбуковую трость, радовался цветам и птицам. Кто только не хвалил и не возвеличивал его за это изумительное достижение. Он же был убежден в том, что никто кроме него на всем свете не имеет владений, в которых одновременно было бы четыре времени года. Лишь один из его придворных осмелился возразить ему, — да и то, разумеется, с извинениями и низкими поклонами.

— Чтобы такое...

— Что — „такое“? — не дал ему досказать Арнольдо Барнольдо. — Ты хочешь сказать, что я поступил противно законам природы?

— Это что-то, что-то... — промычал неопределенно Придворный.

— Мне просто уже некого перещеголять. Я чувствую себя сильным, только когда иду против природы и диктую ей свою волю.

Но желание превратить свои владения в самостоятельную маленькую землю, вызывалось и другой причиной. Когда-то он правил великой страной, где его так почитали, что снимали шапки даже перед его изображениями. Но сэру Арнольдо Барнольдо и этого казалось мало, и он отдавался во власть самых причудливых мыслей и желаний, и однажды объявил, что хочет править всем миром.

Те, кто был в его подчинении, крикнули : „Чудесно, чудесно!“ Другие решили, что это какая-то не совсем удачная шутка, которая не касается их непосредственно, третьи, а их было больше всего, посмеялись над ним и сказали: „У-у-у“. Обиженный, он удалился в одно из своих владений — на океанском острове. Именно поэтому тот миг, когда ему пришло в голову создать у себя все четыре времени года, он считал самым великим в своей жизни. Он превратил океан-

ский остров в маленькую планету и стал господствовать на ней. Он познал силу богатства, сладость власти и теперь жаждал лишь одного — славы. Ею он не мог насытиться вдоволь. Он хотел, чтобы его имя гремело во всех концах земли. Но этого не случилось. Поэтому как повелитель океанского острова он приказал, чтобы на его землях непрестанно пели ему славу. И вот с самого утра и в полдень, и вечером, а по праздникам, даже ночью, голосистые молодые люди выкрикивали на берегах океана во всю глотку: „Да здравствует сэр Арнольдо Барнольдо!“

Итак, он имел все, что хотел. Лишь неумолимые годы самым упорным образом не желали подчиняться ему. С ними он никак не мог справиться. Он старел. И ничуть не медленнее, чем все другие. Согласно предписаниям врачей каждые шесть месяцев ему переливали кровь. Но и это особенно не помогало. Морщины перепоясали его лоб, избороздили лицо. Время, нечто неумолимое и невидимое, подрывало его силы.

Смею надеяться, что читатель простит мне столь пространное описание сэра Арнольдо Барнольдо, как только убедится, что именно с ним связаны все последующие приключения острова и его населения. Но прежде — еще одно описание. На сей раз — одной безумной частицы квази-звезды.

Безумная Частица квази-звезды летит к Земле

Меж двух звезд, которые по вечерам повисали, словно светильники, над темной спиной Земли, находилась еще одна, вероятно, самая странная и непонятная звезда. Вообще спорно, могла ли она называться звездой — уже хотя бы потому, что ничуть не светилась и не

была видна глазом. Это, разумеется, ничуть не смущало ее — все равно, замечают или не замечают, восхищаются или нет. Мало того, что она не свети-лась, но по сравнению с другими была много меньше и, более того — много тяжелее. Одна ее частица, величиной с орех, весила миллионы тонн.

Она казалась спокойной, словно была мертва, но это было только внешне. Однажды страшный взрыв потряс ее изнутри, она ярко засверкала и затем рас-сыпалась на множество осколков, которые разлете-лись в разных направлениях. Ученые самым подроб-ным образом описали все, что им удалось увидеть. Истинной причины явления им угадать не удалось. Она осталась скрытой от их глаз.

И вот после взрыва одна частица квази-звезды, величиной с грецкий орех, направилась прямо к Земле. Ее поведение ученые не могли объяснить никакими известными им законами. Ошеломленные ее голово-кружительным полетом среди других звезд, они проз-вали ее безумной. „Безумная, безумная, безумная!“ — кричали они. Она нисколько не была этим задета и еще быстрее заспешила к Земле.

Если она столкнется с Землей, то... о-о-о! — люди догадывались, что могло тогда произойти. Они без-молвствовали в напряженном ожидании, страстно надеясь, что каким-то чудом им удастся избежать ка-тастрофы.

Безумная Частица квази-звезды прошла не настолько близко от Земли, чтобы вызвать катастро-фу, но не так уж и далеко, чтобы ничего не вызвать. Она просто-напросто оторвала кусок Земли вместе с океанским островом сэра Арнольдо Барнольдо и пов-лекла его за собой. Повелитель был этим обеспо-коен, но, по правде говоря, не так уж сильно. Он был убежден, что где бы ни попались ему человеческие су-

щества, они все равно предоставят ему все, что он потребует. Ведь если они разумны, не могут же они не почитать золота. А он имел много богатств, тонны золота. Он только очень рассердился, что такие значительные события произошли без его на то согласия. Он призвал к себе главного инженера и, чтобы показать, насколько сильна его, правителя, власть, приказал тому немедленно остановить этот бешеный полет его владений. Уверенный, что его приказ будет выполнен, он снова лег и заснул. Ведь самые известные врачи советовали ему спать как можно больше.

Главный инженер и его не менее способные коллеги знали, что остановить полет океанского острова не в их власти, но не посмели сказать об этом господину — боялись его гнева, последствия которого им не раз доводилось испытать на себе и по более ничтожным причинам. Они словно онемели и притворились, что страшно заняты поисками причин, в силу которых их оторвало от Земли и понесло в космос в стремительном беге между звезд.

— Самое сложное это выяснить причину, — сказал один.

Остальные сначала задумались, потом заплакали. Наконец-то они поняли, что до сих пор напрасно теряли время, описывая только то, что наблюдали глазом, а что важное, существенное не только в людях, но и в неживой природе скрыто от глаз и постигается с большим трудом.

Сэр Арнольдо Барнольдо не оставил им времени для обмена тяжелыми, хоть и умными мыслями. Он самым строгим образом спросил их, почему остров до сих пор еще летит. Тяжелая тишина воцарилась между ними. Она была, наконец, нарушена лишь одним-единственным словом:

— Летим! — выкрикнул Главный инженер.

— Почему летим? — еще строже спросил хозяин.

Главный инженер пожал плечами, открыл было рот, чтобы ответить, но не нашел ничего лучше, чем повторить то же самое:

— Летим.

— Увольняю вас! — заключил хозяин.

Главный инженер ничуть не огорчился, ибо он знал, что это гораздо легче, чем доказать, почему они летят. И он учтиво, с благодарностями, склонился перед своим господином. При этом он, правда, потребовал, чтобы ему выплатили единовременное пособие.

— Это само собой разумеется.

И сэр Арнольдо Барнольдо приказал своему финансисту, чтобы взял деньги из одного из его банков.

— Одну минутку... — ответил Финансист.

Но скоро в ужасе, дрожа с головы до ног, он едва смог объяснить хозяину, что они теперь не только деньги из банка взять не могут или что-нибудь вообще получить с Земли, но вообще не могут каким бы то ни было образом связаться с Землей.

— Эй! — обратился тогда Арнольдо Барнольдо к сумасшедшей квази-звезде.

— Я тебе никакая не „Эй!“ — отрезала та.

— Ну, прости, прости, — стал извиняться, наверное впервые в жизни владелец острова.

И он начал в страхе озиаться вокруг, словно его поймали на месте преступления: не слышал ли его слов кто из приближенных.

— Как же тебя называть?

— Это не так уж важно. Говори, чего ты хочешь?

— спросила его безумная Частица квази-звезды.

— Верни нас на Землю. Там остались мои банки.

— Это не в моих силах. Вас могут вернуть только

люди живого пояса вселенной, — ответила бешеная Частица.

— Какие люди? Что за люди? Что еще за „живой пояс“? — изумился Арнольдо Барнольдо.

— В живом поясе вселенной много населенных планет. И только их жители могут вас принять и вернуть на Землю. Как-то вы еще сможете понять друг друга... — пояснила безумная Частица.

— Тогда давай мчи нас поскорее туда, — стал умолять ее хозяин острова.

— Хорошо, — согласилась та.

Первая встреча

Сэр Арнольдо Барнольдо изо всех сил спешил достичь живого пояса вселенной. На его „планете“ дождь шел все реже, погода беспрестанно менялась: становилось то очень жарко, то слишком холодно. Растения, не привыкшие к столь быстрым переменам, увядали, давали все меньше плодов. Простые крестьяне и рабочие, так же как и приближенные, опустили, стали ленивы. Не ведая о том, что ждет их завтра, они уже не подчинялись так подобострастно, как раньше. Сэр Арнольдо Барнольдо непрерывно увеличивал им зарплату, но чеки, которые он раздавал, они не могли реализовать. Им надо было, чтобы шли дожди, нивы рождали хлеб, а деревья — плоды. Все искали какой-то выход, но никто не видел его. И наступило самое страшное — отчаяние. И в этот момент впервые засветилась надежда: безумная Частица квази-звезды вошла в живой пояс вселенной.

— На всех планетах вокруг вас кипит жизнь, — сообщила она хозяину. — Люди на них могут оставить вас у себя или возвратить снова на вашу Землю —

смотря по тому, как вы сумеете понять друг друга.

— И первое и второе вполне приемлемо.

Сэр Арнольдо Барнольдо спешно собрал все свои чековые книжки и засмеялся: о, их было еще много. Он-то уж был уверен, что нет во вселенной таких разумных существ, которые бы не знали им цену и не преклонялись бы перед их всемогущей силой. Он еще раз рассмеялся, довольный, и даже подпрыгнул от радости. А по отношению к своим приближенным и подчиненным и вообще ко всем населяющим остров, он снова стал таким же грубым, как когда-то там, внизу, на Земле.

Он непрерывно отдавал распоряжения и всех запугивал.

— Мы спасены! — кричал он.

И приказал, чтобы его слова были разглашены повсюду.

— Мы спасены! — повторяли глашатаи.

Повсюду гудели колокола, играла музыка.

— У нашего господина, — сообщил Финансист, — триста тонн, сто восемьдесят килограммов и тринадцать граммов золота.

Сэр Арнольдо Барнольдо, спокойный и довольный, повторил еще раз:

— Мы спасены.

— Этим мы обязаны вам, — низко поклонился Главный управляющий.

— Да здравствует сэр Арнольдо Барнольдо! — вскрикнули все его приближенные.

Но господин словно уже не слышал их; он думал о чем-то гораздо более существенном: золото, которым он владел, везде, куда бы он ни попал, создаст ему положение, какое он имел на Земле. А если другие планеты окажутся более слабыми, он сможет завладеть и ими... И он уже стал подумывать о том, что его

возвращение на Землю вовсе не так уж обязательно. Арнольдо Барнольдо так обрадовался этому, что не стерпел и сам объявил о том, что в обычных условиях делали его подчиненные.

— Все мои чеки обеспечены. По ним я получу не только местожительство на самой прекрасной планете живого пояса вселенной, но и привилегии, которые имел там, на Земле. Я не пожалею средств для нашего возвращения, но — не нужно забывать — только в том случае, если мне это выгодно.

— Ура, да здравствует!.. — крикнули его приближенные.

— Безумная Частица! — позвал Арнольдо Барнольдо.

— Слушаю, — ответила частица.

— Ты исполнишь мое желание?

— Насколько я поняла, вам будет приятнее, если я буду исполнять только ваши приказы.

— Чудесно, превосходно! Если ты будешь предпринимать что-то сама, по своей инициативе, я не могу быть уверен в тебе. Я уверен только в тех, кто мне подчиняется беспрекословно. Я не люблю рисковать. Готова ли ты подчиняться мне?

— Вряд ли я буду полезнее, но я уже сказала: раз вам так нравится, я буду только исполнять.

— Тогда слушай! — грубо приказал ей Арнольдо Барнольдо.— Доставь меня на самую богатую планету живого пояса.

— Хорошо.

Вскоре безумная Частица квази-звезды стала кружиться около одной планеты и объяснила, что она и есть самая прогрессивная, самая богатая.

— Что же у нее за богатство? — спросил сэр Арнольдо Барнольдо.

— Самое большое.

— Какое?

— Здесь больше всего чтут пшеничное зерно.

— Что? Пшеничное зерно? — не понял Арнольдо Барнольдо.

— Из него они пекут хлеб.

— И мы на Земле печем из него хлеб.

— Они почитают его как самое ценное из того, что у них есть.

Сэр Арнольдо Барнольдо ничего не мог понять, но на размышления уже не оставалось времени.

Жители планеты установили связь с Арнольдо Барнольдо. Не успел он натянуть темный фрак, как Посланник с планеты был уже перед ним.

— Я пришел с планеты Лазурь, — представился он.

— Я — Арнольдо Барнольдо.

— Что это такое?

— Это мое имя.

— Важно не то, кто ты, а откуда ты прибыл, — пояснил Представитель Лазури и поклонился, как бы прося извинения.

— Да-а, а они, оказывается, слабы, слабы. Видели? Он поклонился мне, — прошептал Арнольдо Барнольдо, обернувшись к своим приближенным. — Запомните: поклоны выдают слабость, а не силу.

Представитель Лазури скрестил руки на груди в знак того, что он понял, о чем идет речь, и снисходительно усмехнулся.

— Видите, видите, — обрадовался Арнольдо Барнольдо. — Он улыбается и кланяется. Очень, очень они слабы. Мы легко завладеем ими. Ах! — даже подскочил он под влиянием мелькнувшего в его голове видения. — Я стану владельцем не только океанского острова, но и планеты Лазурь.

— Ты кто такой? — обратился он к пришельцу.

— Представитель планеты Лазурь, я же сказал.

— Это я понял. Должность, должность какая у тебя? И богатство какое имеешь?

— Это не имеет никакого значения.

— Смотрите у меня, чтобы никто не посмел обращаться к нему: „Ваше превосходительство“, — приказал сэр Арнольдо Барнольдо приближенным и как будущий владелец планеты Лазурь свысока посмотрел на своего собеседника.

Тот был облачен в белую одежду — скорее это был кусок материи, свободно переброшенный через плечо и достающий до щиколоток ног, обутых в самые обыкновенные сандалии. Он стоял, скрестив руки на груди и улыбаясь.

— Кто бы ни пришел к нам, — ответил он, — будет иметь одинаковые со мной права.

— Не пытайтесь шутить со мной, — прервал его Арнольдо Барнольдо.

— Никто на нашей планете, — продолжал Представитель, — не имеет привилегии в правах. Но с обязанностями дело обстоит по-другому. Жители Лазури могут брать на себя больше обязательств, но ни в коем случае не получать большие права. Мы все равны, — подчеркнул он с особой гордостью.

— Но равенство не создает привилегий, — рассердился Арнольдо Барнольдо.

— Именно, — подтвердил Представитель странной планеты. — Поэтому у нас все равны.

— Это ужасно! — окончательно возмутился Арнольдо Барнольдо и, так как не оставалось ничего другого, он предложил начать переговоры.

Расстегнув свой темный фрак, разукрашенный самыми разными орденами, он объявил:

— Но решения буду принимать только я.

Представитель планеты Лазурь с улыбкой поклонился.

Если бы ему не был необходим сейчас этот ничтожный человечешка, прикрытый только какой-то тряпкой, Арнольдо Барнольдо бы и одним словом с ним не обменялся. Но другого выхода не было, и, как того требовал протокол, он подал руку и объявил о начале переговоров.

Арнольдо Барнольдо потребовал, чтобы планета Лазурь предоставила ему местожительство, а также золото, и так как он был деловым человеком, то показал свою сумку, переполненную чековыми книжками. Если удастся установить связь с Землей, по этим чекам Лазурь получит все.

— У нас на Земле, — пояснил Арнольдо Барнольдо, — если даешь золото, все делается быстро, молниеносно и точно.

— Зачем оно вам? — спросил его Посланник с Лазури.

— Золото заставляет моих рабочих служить усерднее, а сейчас мне это очень необходимо. Дождь в моих владениях почти перестал идти, воду надо добывать глубоко в земле. Поля перестали давать такой урожай, как прежде.

Представитель Лазури, со скрещенными по-прежнему на груди руками, подошел к нему и вновь поклонился.

— Можно одно маленькое пояснение? — спросил он учтиво, словно извиняясь.

— Что тут еще пояснять?! Но... Разумеется можно.

— Простите, если я плохо понял вашу мысль, но что вы имели в виду, когда сказали „мое“?

— Мое — это весь океанский остров. Только на нем существуют одновременно четыре времени года.

Он представляет собой целую маленькую планету. Даже можно сказать, что и Частица квази-звезды тоже моя, потому что она исполняет мои приказания.

— Неужели весь этот остров ваш? — удивился Посланник.

— Все, что вы видите — мое, — гордо произнес Арнольдо Барнольдо.

— А люди?

— Люди? Одни — мои приближенные, а остальные — слуги, рабочие, советники. Самое важное заключается в том, что все они подчиняются мне.

Представитель Лазури опустил руки, глаза его широко раскрылись и он передернул плечами. От испуга или от отвращения?

— Ничего не понимаю, ничего не понимаю, — повторял он и, совершенно растерявшись, неизвестно чему улыбался и кланялся.

Владелец залива был предоволен. Но не выдал себя. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Если все жители Лазури...

— Что?

— Если все жители Лазури только и могут, что улыбаться, как вы, я завладею вами.

Посланник словно не слышал его. Он позволил себе заметить только, что и по их представлениям всякому необходима земля, но ровно столько, сколько можно обработать.

— Не будем спорить, — прервал его Арнольдо Барнольдо. — Я потребовал золото и объяснил зачем. А чековые книжки вы видели — это гарантия того, что золото я верну вам.

— Я понял, что расплачиваетесь вы золотом, — вставил Посланник с Лазури.

— Это самая прочная плата, — подтвердил Арнольдо Барнольдо.

— Мы тоже расплачиваемся.

— Чем же?

— Пшеничными зернами и благодарностью.

Сэр Арнольдо Барнольдо, будучи уверен, что покорит этих отсталых людей, решил позабавиться разговорами по пустякам.

— Что же вы больше всего цените? — спросил он.

— Доброе слово и пшеничное зерно. Пшеничное зерно и доброе слово, — повторил Представитель планеты Лазурь.

— Какая отсталость, какая чудовищная бедность! — произнес владелец океанского острова. — Но ничего, я еще воспользуюсь этим. Земля, земля моя, как я счастлив, что владею твоим совершенством!

— По сравнению со всяким совершенством есть еще большее совершенство, — тихо, как бы про себя, сказал представитель Лазури.

Он не рассердился на Арнольдо Барнольдо, а только опечалился, уверившись в том, что этот человек сам не знает, чего он хочет, а это было равнозначно тому, что он не знает самого главного. Занимается мелочами и проходит мимо счастья, даже не ощущая сущности его. Вопреки этому Посланник не прервал переговоров. Он знал, что много-много лет тому назад, не менее тысячи, и у них на планете за все платили золотом. Он промолвил:

— Плата пшеницей и добрым словом нечто более совершенное. Так что наше настоящее — это ваше будущее. Но мы не будем проявлять жестокости к вам, мы дадим вам достаточно пищи и окажем радушное гостеприимство.

Хозяин океанского острова и слушал и не слушал его. Он был занят другими мыслями.

— Как вы осмеливаетесь предлагать мне фальшивые слова и пшеничные зерна в обмен на золото?

— Если есть изобилие хлеба, добрые слова и благодарность за добрые дела, — улыбнулся Посланник с Лазури, — то рождаются и песни, и поэзия, и радость, и мудрость. Одним словом, тогда есть все.

— Дикая страна, — проворчал Арнольдо Барнольдо и приказал телохранителям задержать Представителя планеты Лазурь. Если они возьмут его как заложника, то получают за его освобождение все, что требуют.

— Не делайте этого, — кротко предостерег их Посланник.

Он коснулся единственной пуговицы на своей одежде и свершилось чудо: руки Арнольдо Барнольдо и его приближенных сразу опустились и повисли вдоль тела, словно лишились силы.

Представитель планеты Лазурь усмехнулся и, поклонившись, наставительно пояснил, что у каждого человека на их планете есть смертоносное оружие, и никто не может силой заставить другого сделать что-нибудь.

— Дикая страна! — проревел Арнольдо Барнольдо в ответ.

Он тотчас приказал безумной Частице квазизвезды вести его к другим живым мирам.

— Подчиняюсь, — отвечала Частица, — но сначала не мешает сообщить кое-что.

— Сообщай.

— Лазурь — самая богатая планета. Только на ней пшеничное зерно и доброе слово возведены в самую высокую ценность.

— Веди! — не желал ничего слушать Арнольдо Барнольдо.

Тогда Представитель планеты Лазурь посоветовал ему следующее: если уж им так надо остаться где-то, лучше, чтобы это произошло на ближней к ним

планете. Чем больше они станут отдаляться, тем живые миры будут беднее, обозленнее, обидчивее. Там еще не могут преодолеть мелочных обид, только ими и занимаются.

Арнольдо Барнольдо выслушал его, но ничего не понял.

И безумная Частица квази-звезды с ужасающей скоростью помчала океанский остров к другим планетам.

Примите нас!

Никому не стало легче. Все стремились теперь сбежать, улететь, пусть это даже грозило им тем, что они, как искры, сгорят меж звезд, только бы покинуть этот проклятый океанский остров. Здесь то непрерывно шел дождь, то наваливалась засуха. Долгие солнечные дни сменялись столь же долгими ночами. Было или очень жарко, или страшно холодно. Ветры гнали песок и пыль по цветущим некогда нивам и садам.

Но Арнольдо Барнольдо мучило еще и другое. Он совсем потерял всякую власть, и даже самые первые его приближенные не хотели ему подчиняться. Уж не говоря о рабочих и крестьянах. Они, мягко говоря, относились к нему с пренебрежением: просто смеялись над ним. Случалось, что он часто падал на колени, умоляя их самыми нежными и покорными словами идти на работу. А запугивать их ему теперь и в голову не приходило. Он совал им в руки чеки — они и брать их не желали. Зачем они им? Чеки теперь ничего не стоили. Постепенно, он начал понимать кое-что из слов о Лазури, на которой больше всего ценилось пшеничное зерно. Безумная Частица квази-звезды, между тем, примчала океанский остров к самой близ-

кой обитаемой планете. Связь с ней была установлена, и довольно быстро появились и ее посланцы. Они поклонились сэру Арнольдо Барнольдо.

— Добрый день,— поздоровались они и представились: — Мы пришли с планеты Роза.

— Ох-ох, — обрадовался Арнольдо Барнольдо, — и в моих владениях цветут розы. Это добрый знак. Значит мы легче пойдем друг друга.

— Возможно.

Сэр Арнольдо Барнольдо ввел представителей планеты Роза в приемный зал своего дворца.

Хотя разноцветные ковры и поблекли изрядно из-за серой пыли, наносимой бесконечными ветрами, все же сквозь пыль проступало их бывшее великолепие.

— Ваши превосходительства, ваши превосходительства, — непрерывно обращался Арнольдо Барнольдо к посланникам, — где, в каком месте вы желали бы вести переговоры?

Для обоих представителей планеты Роза это не имело никакого значения, наоборот, они предпочитали даже остаться на воздухе.

— Да, да, конечно, останемся на воздухе, — повторил Арнольдо Барнольдо.— Ведь другого такого места на Земле, откуда они прибыли, — другого места, где было бы сразу четыре времени года — нет, — не удержался он от похвальбы. И застыл с улыбкой, ожидая неопровержимого в таких случаях изумления.

— А зачем вам понадобилось сразу все четыре времени года собирать в одно место? — с недоумением спросили те.

— Зачем? Как это зачем? — удивился в свою очередь Арнольдо Барнольдо. — Для разнообразия. Разнообразие очень обогащает. Оно и отдыхать человеку помогает.

— Да, это верно, только до некоторой степени.

Мы считаем, — поспешно пояснили представители Розы, — что разнообразие мира постигается не столько богатством внешнего, сколько внутреннего содержания.

— Внутреннее, даже если оно и существует, в чем я очень сомневаюсь, — прервал их владелец океанского острова, — неуловимо, невидимо и значит — несоизмеримо. А я не верю в невидимое, в то, что невозможно соизмерить, заменить, подарить или продать.

Таким образом он показал, что не понимает слов представителей планеты Роза. Но это нисколько не задело их, и они поспешили досказать ему то, что не успели: внешнее разнообразие, по их мнению, не только не обогащает человека, но наоборот — человек блекнет, ищет более легких путей в жизни, пропадает совсем, потому что получает, ничего не давая.

— Я ищу разнообразия только для того, чтобы не скучать, — уточнил сэр Арнольдо Барнольдо.

— Скучают только от бедности внутреннего содержания. Богатый мыслями и переживаниями человек не нуждается в большом разнообразии внешней жизни. Он довольствуется малым.

— Я бы желал, — перевел разговор на другую тему сэр Арнольдо Барнольдо, — чтобы мы оговорили с вами условия, при которых вы примете нас на своей планете.

— Мы не любим предварительных условий. Переговоры предусматривают полное равенство сторон. Условия уничтожают равенство, — отвечали представители планеты Роза.

— Говорите скорее, что требуется от меня для того, чтобы вы приняли меня к себе, — нетерпеливо сказал сэр Арнольдо Барнольдо.

— Чтобы вы жили так же, как живем мы. Вы будете подчиняться тем же правилам жизни, каким под-

чиняемся мы. Вы будете иметь те же обязанности, какие имеем мы. И вы будете пользоваться теми же правами, какими пользуемся мы.

— Как? Вы будете вмешиваться в мои дела? В мою жизнь? Но я этого не позволю, я — самостоятелен.

— Да, да, прекрасно, мы и даем человеку возможность жить так, как это ему удобно, но в рамках общих правил жизни нашего общества. Как только кто-то нарушает эти правила, мы вмешиваемся.

— А-а что значит — „нарушает“? — испуганно спросил хозяин острова.

— Что это значит? Если кто-нибудь, скажем, поступит несправедливо или преступно, и мы не будем вмешиваться, выходит, что мы согласны с преступником. А это совершенно недопустимо! — громко повторили посланники с Розы.

— А если случится так, что вы ополчитесь против какой-нибудь другой планеты?

— Это невозможно...

— Как так? А если одна планета нападет на другую?

— На этот случай у нас предусмотрены соответствующие меры.

— Какие?

— Тогда вмешиваются Хранители вселенной. Наши планеты находятся на различных стадиях прогресса. Но основные правила обязательны для всех. И если где-то они нарушаются, Хранители восстанавливают их.

— Но я уже был свидетелем того, что они не соблюдают.

— Где же?

— На планете Лазурь, где мы побывали. Там ни

во что не ставят золото. Расплачиваются пшеничным зерном и добрым словом.

— Ну да, это самая развитая, самая прогрессивная планета.

— Ничего не понимаю.

— Хранители вселенной вмешиваются именно в тех случаях, когда кто-то захочет нарушить равенство и господствовать над другими.

— Выходит, — разочарованно произнес Арнольдо Барнольдо, — что у вас я не смогу рассчитывать на привилегии, которые на нашей Земле мне давало мое богатство, мое имя и мое влияние.

— Конечно, не можете, — подтвердили представители планеты Роза.

— Это мне не выгодно.

— Самое справедливое не всегда самое выгодное. Преимущества слишком заразительны. Нам удалось изгнать эту заразу, и мы теперь остерегаемся ее, как чумы.

— Выходит, у вас нет чумы, рака, гриппа и других опасных болезней, которые передаются от одного к другому? Это очень большое достижение, у нас еще нет такого, — радостно воскликнул сэр Арнольдо Барнольдо. — Если вы дадите мне лекарство против этих страшных болезней, я, поверьте мне, уж отблагодарю вас, уж я буду щедр. А если я обещаю, то держу свое слово.

— Нет, нет, у нас есть и грипп, и рак, мы не всегда успешно боремся с ними.

— Привилегий у вас нет, болезни есть, золото вы не цените. Мне не остается ничего другого, как искать другие миры, где бы меня приняли и дали мне все согласно тем богатствам, которыми я владею.

— Как хотите.

Сэр Арнольдо Барнольдо задумался. И так как

никто из приближенных уже не слушался его, он обратился за советом к безумной Частице квази-звезды.

— Что скажешь на это ты? — спросил он ее.

— Я согласилась быть только исполнителем, а это значит, что я не могу что-то оценивать или давать советы — одним словом, я мертва.

— Ты мертва, однако мы беседуем с тобой.

— Раз я ничего не могу делать самостоятельно, а только исполнять, значит, я мертва! — упрямо повторила безумная Частица квази-звезды.

— В таком случае, веди меня, да побыстрее, к другим планетам — приказал господин океанского острова.

Нет, нет!

Безумная Частица квази-звезды понеслась к другой населенной планете. Они еще не успели приблизиться к ней, как ее жители радостно выбежали к ним навстречу с приветствиями.

— Мы с планеты Крокус! — представились они.

— У нас тоже есть крокусы, — изрек Арнольдо Барнольдо.

— Чудесно, чудесно!

— Мы наверняка пойдем друг друга.

— Как не понять — ведь вы так ушли вперед по сравнению с нами, — ответили все хором с планеты Крокус.

— Да, мы действительно здорово ушли вперед: у нас в почете такие истинные ценности, как золото, — ответил сэр Арнольдо Барнольдо и, немного поразмыслив, спросил: — А по каким признакам вы сразу определили, что мы более развиты, чем вы?

— Это и так видно, — ответили те.

— Все-таки мне неясно, — еще более удивился Арнольдо Барнольдо.

— До тех пор, пока большое подчиняется малому, сильное — слабому, все находятся под защитой, и значит ничто не грозит катастрофой.

— Что они сумасшедшие, что ли? Что они горючат? — прошептал сэр Арнольдо Барнольдо.

Но ни времени, ни возможности спорить уже не оставалось. Островитянам необходимо было во что бы то ни стало где-нибудь остановиться.

— Примите нас к себе! — крикнул он и три раза подряд поклонился пришельцам с планеты Крокус.

Любезность сэра Арнольдо Барнольдо так пришлась им по нраву, что они закричали „браво!“ и стали аплодировать, повторяя, что это просто нечто исключительное. Так прогрессивны, а кланяются им, таким несовершенным.

Сэр Арнольдо Барнольдо опять прошептал:

— Ничего не понимаю.

— Вы слишком скромны, — прервали его жители планеты Крокус и снова стали объяснять все сначала: до тех пор, пока великое, сильное не следует за малым, за более слабым, не подчиняется ему, — совершенства быть не может.

— Ах, я так устал, что ничего не понимаю. Скажите мне лучше, каким образом я мог бы свихнуться так же, как вы, чтобы мы могли понять друг друга.

— Подчинение слову, а не оружию ведет к совершенству, — повторили жители Крокуса.

— Все равно ничего не понимаю.

Жители Минзухара совсем удивились: на этом океанском острове достигнуто такое совершенство, а оценить по достоинству его не могут.

— Мы все начинаем, — снова заговорили они, — с

того, что представляем себе, как это будет воспринято в далеком завтра. Мы ориентируемся на то, как оценят нас те, кто придет после нас.

— Тогда примите нас, — уже не слушал их сэр Арнольдо Барнольдо и поклонился им три раза подряд.

— Мы согласны сделать это. И с большим удовольствием, ибо вы подчинили большое малому, более сильное — слабому, и мы восхищаемся вами.

— Совсем ничего не понимаю, — все повторял сокрушенно Арнольдо Барнольдо.

— Все очень просто. Скажем, какой-то человек обладает самым смертоносным оружием. Но у него каменное сердце, и он не вздрогнет, услышав плач ребенка, не приходит в восторг от песни, не щадит слабой девушки, не откликается на зов о помощи. Думает только о себе. Заботы о других его не волнуют. Часто обуревают его странное желание властвовать над другими. А однажды он вообще направит свое оружие на подвластных и прикажет: подчиняйтесь мне. Если мы не достигнем совершенства, мы не сможем защитить себя. Если же мы станем сильнее него и подчиним его себе, все будет наоборот, и снова кто-то останется недоволен. Нечто первобытное, отсталое было в том, что сильный заставлял слабого подчиняться. Но если сильный человек или сильная страна, или сильная планета подчиняются справедливому слову или данному обещанию, почитают песню, вдохновляются музыкой, поэзией — тогда это уже настоящее, истинное совершенство.

— Это все глупое и негодное дело. Нет, нет. Это свихнувшаяся планета, оглупевшие люди. Возможно ли, чтобы сильный подчинялся слабому! Как может слово остановить оружие или снять палец с курка? Не-

ет, не-ет, мне нужна сила, а не слова, — злобно повторял сэр Арнольдо Барнольдо.

— Странно: вы отвергаете совершенство, тогда как вы уже достигли его, — удивлялись жители Крокуса. — Ваш остров — такой большущий, огромный океанский остров, а влечет его за собой нечто совсем маленькое.

— Это произошло не по нашему желанию.

И сэр Арнольдо Барнольдо рассказал, как их оторвала от Земли эта совсем ничтожная Частица квази-звезды.

— Прекрасное, доставшееся случайно, не есть прекрасное, — с тяжелым вздохом заключили жители Крокуса и покинули океанский остров.

Безумная Частица квази-звезды пустилась в новый полет.

— Хочу остановиться! Хочу остановиться! — кричал, как можно громче, сэр Арнольдо Барнольдо.

— Все хотят остановиться, — услышал он вдруг новые голоса, и не успел он обернуться, как перед ним появились жители другой планеты.

— Вы кто?

— Мы с планеты Подснежник.

— Примите меня, я хочу остановиться у вас, — заявил сэр Арнольдо Барнольдо.

— Остановка необходима всем, — повторили посланники.

— Я знаю только, что мне нужна остановка. Какое мне дело до всех!

— Безостановочное движение бесцельно.

— Примите меня! Примите меня! — печально взывал к ним, едва не плача, владелец океанского острова. — Я погибаю... Ваши законы мне неизвестны, но я буду блюсти их, каковы бы они ни были.

— Мы вовсе не собираемся заставлять вас любой ценой подчиняться правилам нашего жительствова.

— Примите меня! Я больше не выдержу. Ведет меня от планеты к планете безумная Частица квази-звезды. Только что мы миновали одну сумасшедшую планету; куда бы я ни попадал, мне все время встречались нелепые странности. Никто нигде не побеспокоился обо мне. Я погибаю.

— Мы видим это. И все-таки нам придется объясниться. Для общего блага.

— Пусть так.

— Если законы и правила жизни на вашем океанском острове более прекрасны, более совершенны, мы примем их и будем благодарны вам за то, что вы создали их. Мы стремимся к прекрасному и принимаем его, не спрашивая, кто его создал. Важно, чтобы оно было. А принадлежит оно тем, кто еще не родился. У нас на Подснежнике только яд находится в руках одного человека. Его душа благородна, она открыта желаниям людей и улавливает их еще прежде, чем они появятся. Но если он хоть один раз подумает о себе самом во вред другим — он погибнет. На вашей земле тоже так?

— Ох, — простонал Арнольдо Барнольдо, — куда это я попал?

А жители этой новой планеты продолжали объяснять ему, словно школьнику, что прекрасное живет в людях и не покидает их даже тогда, когда они его гонят. И чем его больше, тем прекраснее. А с ядом совсем по-другому обстоят дела — он губит даже тех, кто к нему не прикасается. И потому на планете Подснежник его стережет самый благородный, самый честный из них. И они все добровольно подчиняются избраннику. Вот какого совершенства они достигли! Этим ядом он может всех отравить, но никому не угрожает.

— Каждый ищет повод, чтобы подчинить себе другого, а вы радуетесь, тому, что подчиняетесь сами. Какая ужасная отсталость! — воскликнул сэр Арнольд Барнольд.

— Того, кто теряет способность подчиняться, мы начинаем лечить, как самого тяжелобольного. Если вы создали нечто еще более совершенное, мы станем подчиняться вам и будем только благодарны за это.

Владелец острова желал только одного: чтобы его поскорее приняли к себе, но представители планеты Подснежник не спешили с ответом. Они все взвешивали, раздумывали и в конце концов спросили сэра Арнольда Барнольда, чему же подчиняется он.

— Силе и богатству.

— И у нас было так же, но очень давно.

— Я не могу принять ваши законы.

Жители Подснежника объяснили ему, что богатство так же, как молодость и физическая сила — явление преходящее.

— Ничто не вечно, — прервал их господин океанского острова.

— Да, это так, но в этом преходящем существует красота, та, которая не стареет и возможности ее совершенствования безграничны. За чудесными изобретениями, за мудростью, поэзией и песней стоит красота переживания, благородных поступков и отношений, самопожертвования.

— В чем же она? — спросил сэр Арнольд Барнольд.

— В том, чтобы заботиться о других так, как заботишься о самом себе. Для нас это самое простое и самое большое достижение. Совершенное во имя добра других людей — есть самое прекрасное.

— Нет, я не могу принять ваши законы. Я привык к тому, чтобы мне служили другие, а не я служил им.

— Мы ничего не предлагаем насильно. Все постигается в процессе развития. А развитие, даже самое быстрое, требует времени... Мы принимаем вас, но с одним условием: вы будете соблюдать наши законы.

— Не хочу, — почти что сокрушенно произнес владеец океанского острова. — Я признаю совсем другое: богатство и силу. Я говорю, сколько имею денег, и вы тоже говорите, сколько их у вас. И тот, у кого их оказывается больше, — тот и богаче, и сильнее. Это все равно как когда двое борются, и тот, кто побеждает, и есть более сильный.

— Соизмерима только внешняя сторона явлений, внутренняя много сложнее. Она не видна, она лишь ощущается. Ею мы измеряем наше богатство.

— Нет, нет. Так мы не сможем договориться, — упорствовал сэр Арнольдо Барнольдо.

— Как хотите, — ответили посланники с Подснежника. — Поищите тогда другие планеты. Но мы должны предупредить вас: по мере удаления от центра живого пояса вселенной вы будете встречать миры все более сварливые, несговорчивые.

— Как это понять?

— Они уже не верят слову.

— Мне и нужны как раз такие планеты: такие, где признают не слова, а то, что материально, — обрадовался сэр Арнольдо Барнольдо.

— О, такие есть, но они очень далеко — в другом живом поясе вселенной. В нем находится и ваша Земля, — объяснили представители Подснежника.

— Все равно, именно такие планеты мне и нужны.

И сэр Арнольдо Барнольдо приказал безумной Частице квази-звезды вести его к тем несговорчивым мирам.

— Ну, что ж, я подчиняюсь и тогда, когда вижу, что это нехорошо, — ответила безумная Частица квази-звезды и помчалась дальше.

Вмешательство

Прошло совсем немного времени, когда безумная Частица квази-звезды достигла другой планеты. Но на самом океанском острове обстановка становилась все более напряженной и тяжелой. Сэр Арнольдо Барнольдо еле держался на ногах. Он решил сделать полное переливание крови, для того чтобы обрести силы и омолодиться. Врачи еще не извлекли последние запасы крови из стального холодильника, как над их головами прогремел приказ:

— Остановитесь! Это запрещено!

Это был патруль Хранителей вселенной.

— Не вмешивайтесь в мою жизнь, — устало, едва слышно прошептал сэр Арнольдо Барнольдо. — За кровь я заплатил своими деньгами.

— Это верно, согласны, — отозвался один из Хранителей, — но она гораздо нужнее детям. Ты разве не видишь, что многие из них недоедают? Они слабеют с каждым уходящим днем. Так что даже самое что ни на есть твое, если оно более необходимо другим, не принадлежит тебе. Совершенное во имя добра не расценивается как вмешательство. Если где-то совершается преступление, то невмешательство в этом случае есть еще большее преступление.

— Дикие порядки, дикие обычаи, — сокрушенный, сэр Арнольдо Барнольдо вынужден был подчиниться: Хранители вселенной не шутя направили на него свое оружие. Они раздали кровь детям и удалились.

Сэр Арнольдо Барнольдо крикнул безумной Частице квази-звезды:

— Лети быстрее!

— Я полечу, но за последствия не отвечаю, — ответила она и продолжала: — Учти, что между двумя населенными поясами лежит зона мертвого воздуха.

— Выполняй! — приказал ей сэр Арнольдо Барнольдо.

И вот воздух словно бы затвердел. Все ловили его открытыми ртами, но не могли насытиться. Наступил момент, когда они едва-едва дышали, жизнь их висела на волоске.

И сэр Арнольдо Барнольдо скоро пришел к выводу: если они не остановятся в ближайшее время, то все погибнут. Измученный хозяин острова теперь готов был подчиниться любым требованиям, лишь бы какая-нибудь планета согласилась принять его.

Вскоре безумная Частица квази-звезды закружилась около последней планеты живого пояса вселенной — Травинки — самой несговорчивой планеты, как осведомила их Частица. У сэра Арнольдо Барнольдо не было выбора. Если они примут его там, пусть берут из его владений что хотят. Только бы оставили в живых! Ничего ему теперь не жалко.

Жители планеты Травинка и впрямь скоро доказали, что они несговорчивы. Они не верили никаким декларациям. Для них имело значение дело, а не слово. Результат, а не намерения. Они хотели все проверить, все прощупать, все взвесить, для того чтобы соизмерить, оценить, принесет ли им это выгоду, выиграют ли они от очередной сделки.

— Умоляю — примите нас побыстрее! — отчаянно взывал к ним сэр Арнольдо Барнольдо.

— Мы верим, что ты отдашь нам свои богатства, но мы опасаемся, что ты можешь нас заразить.

— Не заражу я вас ничем, — я совершенно здоров.
— Здоров. Издеваешься над нами, что ли? — сердито воскликнули жители несговорчивой планеты Травинка.

Они стали обвинять его в том, что за те годы, когда он был правителем...

— Да, был! — не дал им закончить сэр Арнольдо Барнольдо.

— Ну, это, скажем, если и не очень хорошо, то и не так уж плохо. Но есть кое-что другое...

— Говорите быстрее! — взмолился злополучный хозяин острова.

— Мы затем и пришли, — сердито ответили ему жители Травинки.

— На шестой день шестого месяца вашего управления вы отправились в кругосветное турне. Мы считаем, что и это не так уж плохо. Но вот за другое, при всей нашей снисходительности, мы оправдать вас не можем. Когда вы вернулись из кругосветного путешествия, вас встретили 999 999 человек, а не один миллион, как вы приказали. Вы уволили своего первого помощника, а позднее его судили. Он пробыл в тюрьме три месяца, и штраф, который вы на него наложили, оказался столь велик, что он продал дом свой, для того чтобы уплатить его. Вы были несправедливы.

— Это вы о штрафе-то?

— Если бы вы считали и его, встречающих было бы точно миллион.

— Но он не выполнил моего приказа.

— Это не все. Ваши судьи не судили, а исполняли ваши указания. За это вы их и наградили.

— Давайте покончим с этим допросом, — взмолился Арнольдо Барнольдо.

— Нет!

— Воздух кончается, мы едва дышим... Нельзя терять время на разговоры о давно минувших событиях.

— Мы не скрываем, что любим копаться в мелочах. Мы придирчивы. А помните ли вы одного юношу?

— Я знаком со многими юношами. В последнее время моими друзьями были только юноши. Мне сказали, что таким образом я омолаживаюсь.

— Нет, мы спрашиваем вас о том юноше, который подверг себя самосожжению.

— Да, был один такой...

Такой поворот дела сэру Арнольдо Барнольдо совсем не понравился.

— Он единственный из приближенных назвал ваше правление диктатурой посредственности. Но все остальные присутствующие, ради того чтобы угодить вам, заглушили его голос хором похвал. А он не знал иного способа протеста.

— Но он сам поджег себя.

— Вы создали условия для этого.

— Я человек, мог и ошибиться.

— Но это еще не все.

— Скорее, силы мои на исходе. Я согласен со всем, только примите меня. Я погибаю...

— Если вы правы, возражайте! Согласно нашим законам одобрение несправедливости есть преступление.

— Говорите.

— Однажды приятель пригласил вас на свой день рождения. Вы пошли. И это правильно. Но вместо того, чтобы говорить о нем, все беспрерывно говорили о вас. А вы в это время сидели и сравнивали, кто больше других произнесет похвал в ваш адрес. Мы не желаем принимать вас!

Действительно, жители планеты Травинка оказались слишком придирчивыми.

— Наша цивилизация, — объяснили они, — очень молодая, хрупкая, она еще не может устоять перед болезнями, которыми переполнен океанский остров.

И они порекомендовали сэру Арнольдо Барнольдо возвратиться к центру живого пояса вселенной. Там цивилизации старые, развитые, они более стойки ко всякого рода заразе, и примут его безо всяких условий. Сказали так представители Травинки и приготовились уходить.

Тогда по щекам одного бледного, исхудавшего ребенка покатались чистые, как жемчуг, горькие слезы.

— Не плачь! — рассердился на него сэр Арнольдо Барнольдо. — Слезы — это признак слабости.

Как только посланники с Травинки увидели эти слезы — произошло чудо.

— Слезы — это самое сильное, что у вас есть! — заключили они и стали думать, что им делать с океанским островом. Все были единодушны в том, что сэр Арнольдо Барнольдо и его приближенные совершили много зла. Но какими бы ни были люди, населявшие океанский остров, они умеют плакать, умеют переживать, — значит с ними можно будет столкнуться.

И решили они принять их.

Был отдан приказ, чтобы все населяющие океанский остров встали позади плакавшего ребенка. Его слезы спасли их, и он поведет людей в новый их дом.

Долго решали посланники, что же им сделать с Арнольдо Барнольдо. Он-то для чего им нужен? Не лучше ли просто оставить его, пусть летит себе один в мертвом межзвездном пространстве, высыхает, как лист на зрелой кукурузе, и носится в бесконечности

пространства вселенной никому ненужной, нежеланной песчинкой. Но не будут ли они потом обвинять себя в жестокости?

Да, они примут и его тоже. Но так просто, без всяких условий? Ни в коем случае. Он не заслуживает снисхождения. Тогда при каких условиях? При одном: сначала они убедятся в том, что он может сожалеть о чем-нибудь.

— Я тоже из того же рода, — повторял беспрестанно Арнольдо Барнольдо.

Скрестив руки на груди, он кланялся и умолял не оставлять его одного среди звезд.

— Раз так, мы примем и его тоже, — решили жители планеты Травинка.

И они приняли его.

Безумная Частица квази-звезды осталась одна. Сделав стремительный зигзаг между звездами, она скоро исчезла из глаз.

Она не была совсем уж мертвой и не должна была кому-то подчиняться. Она прекрасно поняла это и обрадовалась, очень обрадовалась.

ИМЕЕТ ЛИ КТО-НИБУДЬ ВСЕ?

В одном ласточкином гнезде под крышей вылупились три птенца. Они высунули головки, увидали солнечный свет и сказали: „Цвир-р“. Самый маленький из них, чуть побольше наперстка, имел отличие в виде белого перышка, круглого и светлого, как жемчужная капля росы.

Ласточки росли быстро. Наконец настало время, когда они начали пытаться взлетать. Старая ласточка — их мать, с большим трудом удерживала их в гнезде: придет и их время, нечего так спешить, еще рано, сначала пусть окрепнут крылышки. Они послушались маму, но, подрастая, стали приглядываться друг к другу. И тогда произошло нечто, очень огорчившее Ласточку с белым перышком на головке.

— Ты не из нашего гнезда, — вдруг объявили ей сестрички.

— Как это не из вашего? — обиделась Ласточка. — Когда я выглянула из яйца, вы сидели около меня. Значит, мы все из одной семьи.

— Ты не похожа на нас: вон у тебя на голове белое перышко, а у нас его нет.

— Почему же тогда вы считаете меня чужой?

— Потому что мы — одинаковые, — сердито ответили сестрички и попытались выбросить ее из гнезда.

— Как вы посмели? Ведь ваша сестричка еще не умеет летать — она разобьется, — стала ругать их Мама.

Ласточка осталась в гнезде, но в ее сердечке затаилась горькая обида. В том, что у нее на головке было белое перышко — или к добру или ко злу — неиз-

вестно, она была не виновата. И, вытянув шейку, она с нетерпением ожидала свою Маму. Подуют студеные ветры, обещала она птенцам, уведет она их в теплые страны. Может быть там самую младшую не будут укорять за то, что у нее на лбу белое перышко.

Пока она так думала, над двором закружила старая ласточка.

— Цвир, цвир, — радостно приветствовала ласточка свою мать.

А с предвечернего, розового от заходящего солнца неба спускался ястреб. Ласточка и не подозревала, что должно было произойти, но инстинктивно почувствовала что-то страшное и крепко зажмурилась. Когда она открыла глаза, то увидела, как по двору ветер играет перьями старой ласточки...

А утром некому было уже принести ей еду. К полудню, хоть и не совсем еще оперившаяся, Ласточка покинула свое гнездо. То же сделали и ее сестрички. Они долетели до ближайшего тутового дерева, почикали, словно прощаясь друг с другом, и, влекомые огромным голубым небом, разлетелись в разные стороны.

Ласточка с белым перышком летела над своим двором. Что-то подсказывало ей, как надо ловить мошек, как ускользать от опасности. А вот времени на то, чтобы любоваться заснеженными вершинами, наслаждаться небом и всем, что было видно вокруг, не оставалось. Если бы не это, наверное она была бы счастлива. Но разве кто-нибудь имеет абсолютно все? — спросила она себя и крикнула:

— А кто имеет все?

Первой услышала Ласточку кошка хозяйки. Она явно хотела ответить ей что-то, но не смогла: огромная лохматая собака зарычала на нее, и кошка мигом

взлетела на тутовник. А собака вытянулась на самом солнцепеке и заснула.

Не только куры, но даже петух с высоко торчащим гребнем не посмели прикоснуться к ней.

„Вот кто имеет все — собака“ — подумала Ласточка с белым перышком.

В это время пришел хозяин большого двора.

— Ишь, разлегся тут на солнышке, — рассердился он и хлестнул собаку кнутом.

„Наверное только человек имеет все“ — подумала Ласточка.

Но вот над двором повисла темная туча, и хлынул ливень. Человек убежал в дом.

— Понятно, значит и человек не имеет все, — заключила Ласточка.

Однажды утром, рано-рано, Ласточка присела у источника в небольшом лесу.

— Прозрачный ручеек, — спросила его Ласточка, — у тебя все есть?

— Я питаю водой травы и цветы на всем своем пути, до самого моря. Другое меня не интересует.

Ласточка не стала разговаривать с ним и полетела дальше.

Она услышала пение соловья. Его песенка поднималась к засеребрившемуся предутреннему небу. Даже звезды остановились в своем беге, чтобы послушать его.

— Ох, ох, как всемогуща эта песня, — подумала Ласточка. — Перед ней, наверное, пасует даже ястреб.

И чтобы убедиться, так ли это, она решила обратиться к соловью со своим вопросом. Он спрятался в ветвях и прекратил свою песенку.

— Ты что, меня испугался, да? — спросила его Ласточка.

— Конечно. Откуда мне знать — друг ты или враг.

— Ты разве не знаешь, как сильна твоя песня? И зверь, и ветер — все вслушиваются в нее. Никто не делает тебе зла.

— Ты или слишком мала, или очень глупа. Вот схватит меня ястреб, и останутся от меня только одни перышки, — грустно ответил ей Соловей.

— Откуда ты это знаешь?

— Видал своими глазами, как это случилось с другим соловьем. Бывало, запоем он, над ручьем словно еще одно солнышко всходило. Разве можно было погибать такому соловью? И на тебе! — ястреб заграбастал его прямо когда он пел, так с отворенным клювиком и схватил.

— Как это плохо, что не все подчиняются красоте песни, — прошептала Ласточка.

— Как это так? — не понял Соловей.

— Прежде чем мы стали беседовать с тобой, я была уверена, что песня — это самое сильное, что есть на свете, а вот видишь, оказалось это не так.

Ласточка покинула рощицу и ручеек и с тяжелым сердцем полетела дальше. Она потеряла свою мать, и ей было очень горько. Но то, что песня не может подчинить себе ястреба, повергло ее в отчаяние.

Она решила перелететь через белоснежные вершины гор и посмотреть, как там, за ними, устроен мир.

Долго летела Ласточка, а горы были все еще далеко. Она села на дерево, одиноко высившееся в поле, и прикрыла глаза. Ей казалось, что так она быстрее отдохнет.

— Что же ты не скажешь мне: „Добрый день“? — укоризненно заметила Примула, росшая в тени под деревом.

— Я очень устала, не заметила тебя, извини...

Примула не дослушала ее оправданий. Она попросила Ласточку взлететь повыше и посмотреть, не видно ли на горизонте какого-нибудь дождевого облачка.

Ласточка, хоть и не отдохнула совсем, но исполнила ее просьбу.

— Ну что, видела? — нетерпеливо спросила Примула.

— Нет, — ответила Ласточка.

— Плохо. Я погибаю. Мои корешки не достают влаги. Они высохнут еще прежде, чем созреют семечки. И когда на будущий год ты будешь пролетать здесь, от меня здесь ничего уже не останется, — грустно произнесла Примула.

— Взгляни, видишь белое пятнышко у меня на голове, оно похоже на капельку росы. Возьми его, может быть оно поможет тебе, пока придет дождь.

Сказала так Ласточка и спустилась к цветку.

— Это просто перышко, — сразу определила Примула. — Оно всегда будет с тобой, куда бы ты ни летела. Но оно никак не сможет помочь мне.

— Другого у меня ничего нет.

— Лети и, если встретишь облачко, скажи ему, чтобы оно поспешило: мол, один цветок высохнет, если не будет влаги, еще до того, как созреют его семечки, — молила Примула.

— Непременно, — обещала Ласточка и заспешила к снежным вершинам горы.

Она летела, летела чуть ли не весь день, а вершины все были впереди. Солнце спряталось за холмами. Над лесом сгустились тени. Ласточка забыла о всех тяготах, которые мучили ее. Она искала места, где можно было бы переночевать.

Уже в сумерки достигла она небольшой полянки,

огражденной высокими деревьями. В самой ее середине журчал ручеек. Он пересекал полянку, и там, где он скрывался в темном лесу, росло большое дерево. В нескольких шагах от него стояла покосившаяся избушка, на крыльце которой сидела сгорбленная Старушка.

— Можно мне переночевать у тебя? — спросила у нее Ласточка.

— Дай-ка я сначала на тебя погляжу, — глазами совсем слаба стала. Все надо освещать теперь.

И Старушка сорвала с дерева плод, который зажегся в темноте, как маленький огонек.

— Ах, это ласточка! — обрадовалась она. — Оставайся хоть навсегда, если хочешь.

Ласточка уже было собиралась ответить, что согласна и с большим удовольствием принимает приглашение, но в этот момент пристальнее вгляделась в старую женщину. Ее рваная одежда еле держалась на костлявых плечах. На сморщенном, темном, словно земля, лице торчал огромный нос, похожий на крюк. Глаза были такие большие, что маленькие веки не закрывали их. Лицо перекосилось, и Ласточка, если бы у нее было очень смелое сердце, все равно испугалась бы.

Старушка спрятала светящийся плод. Стало совсем темно, и Ласточка спросила:

— Ты не колдунья?

— Это не важно, как тебя называют, — ответила та.

— Не согласна, — возразила Ласточка, — Птичек называют птичками, потому что они летают, цветы — цветами, потому что они красивы, а колдуний — колдуньями. Потому что они страшные и злые.

— Это не совсем верно, — ответила женщина.

— Почему?

— Даже если я объясню тебе почему, то ты хоть и запомнишь слова, все равно не поймешь их.

— Как так? — Ласточка была обижена.

— Потому что лучше всего мы понимаем что-то, когда переживаем это сами, а не тогда, когда видим со стороны или слышим от кого-то.

— По правде говоря, — ответила смело Ласточка, — я почти тебя не слушала, когда ты говорила, а все смотрела на твои зубы — такие они большущие и кривые. Как корни дерева.

— Говорили мне об этом и другие. Такими они были и когда я родилась. Раньше я жила в городе, но потом поселилась здесь, чтобы не пугать детей. У меня есть эта избушка и вот это дерево со светящимися плодами в его ветвях, горящими, как огоньки. Этого мне достаточно. А то, что я страшна — это действительно так. Посмотрела я однажды на себя в воду и чуть было не утопилась после этого, но потом подумала и сказала себе: да, я уродлива, но ведь я не виновата в этом. Поэтому я осталась в лесу, чтобы никому не мешать. Тот, кто может смотреть на меня, пусть приходит. Насильно я никого не приглашаю и сама не хожу ни к кому. Так и с тобой, Ласточка, если мы будем с тобой дружить, то ты сделаешь меня счастливой. Но если я пугаю тебя — иди себе. Горько мне будет, но я не стану тебя удерживать.

— И ты стала волшебницей?

Ласточка боялась, что Старушка только притворяется доброй — для того чтобы заманить ее к себе. А уж если заманет, то быстренько ошиплет перышки, или еще чего доброго в крота превратит.

— Нет, этим я не занимаюсь. Живу только этим деревом. Оно имеет чудесный дар: его плоды один раз в семь лет созревают. Откусишь кусочек и скривишься весь от того, что уж очень они кислые. Но сила их

совсем в другом: глотнешь каплю их сока, — и усталость пройдет, и боль заглохнет.

— Очень уж я устала. Иначе и не остановилась бы тут, — стала объяснять Ласточка.

— Подожди-ка, — прервала ее Старушка.

Она выжала сок из плода чудесного дерева на маленький листик и протянула его Ласточке.

Та проглотила капельку и почувствовала, как сразу прошла усталость. И она решила лететь дальше.

— Подожди, останься, — начала уговаривать ее Старушка. — Наверху сейчас очень холодно. Ночью стоит остановиться тебе на секунду, как ты замерзнешь. Даже если запасешься соком чудесных плодов моего дерева, все равно не сможешь устоять перед холодом и ветром.

— Ты некрасивая, но добрая! — заключила Ласточка.

Ласточка затрепетала крылышками, коснулась клювиком сморщенного лба Старушки с нависшими над ним прядями волос и поцеловала ее.

— А теперь я должна закончить свою работу, — сказала Старушка Ласточке. — У нас еще будет время побеседовать. Отдохни — ведь утром тебе лететь. А если ночью станет холодно, забирайся прямо ко мне за пазуху. Не бойся, я хоть и страшна, но ничего плохого тебе не сделаю. Сложи крылышки и, если хочешь, я прямо сейчас согрею тебя.

— Хорошо, хорошо, спасибо, — согласилась Ласточка, но не стала спать. Она с любопытством наблюдала за работой Старушки. Та протыкала дырочку в каждом из плодов и вкладывала в них что-то блестящее.

— Что ты кладешь туда?

— Золото, — объяснила Старушка. — Очень

жадны до него люди, отдают все самое дорогое. А мне ручей приносит каждый день по одному кусочку.

Старушка уложила плоды в корзину и, довольная, улыбнулась.

Лес зашумел. Подул холодный ветер. Она расстегнула ворот и позвала Ласточку.

— Лети сюда, я согрею тебя.

— Как только я почувствовала, что ты добрая, ты не казалась мне уже такой страшной.

Она ласково погладила крылышком щеку старушки и уютно устроилась у нее за пазухой, повторяя:

— Добрые никогда не бывают страшными.

Рассвело. Старушка с полной корзиной зрелых плодов, вместе с Ласточкой, отправился в город, чтобы раздать их всем, кто в этом нуждается.

Тропинка вилась между деревьями, и Ласточка летела то с одной стороны, то с другой. Она просто не знала, как и показать, что она счастлива. Так они вышли из леса. Внизу, на равнине, высились большие здания города.

— Настало время расстаться нам с тобой: горы далеко. Если припозднишься, не сможешь перелететь через них, — посоветовала Старушка.

Ласточка вытащила белое перышко и воткнула его в волосы Старушки, потом она с бьющимся сердцем попросила Старушку оставить ее у себя.

— Чудесно, чудесно! — обрадовалась Старушка и поручила Ласточке вернуться в лес, чтобы стеречь дерево.

Она радостно улыбалась и уже не прикрывала свои большие, как кривые корни дерева, зубы. Ласточка согласилась и так сильно замахала крыльями, что овеяла прохладой ее разгоряченное лицо. Затем она заторопилась к дому, а Старушка пошла в

город и стала раздавать там волшебные плоды людям. Едва они откусывали от них кусочек, как чувствовали, что боль и усталость исчезают бесследно.

Один человек с посветлевшими глазами, счастливый от того, что ему так быстро удалось выздороветь, бросился вслед за Старушкой, чтобы поблагодарить ее.

— Нет, нет, не делай этого! — остановил его другой. Стоит нам похвалить, ее, поклониться ей, и увидишь — она сразу забудет о нас. Никто не остается тем же после того, как его похвалят.

— Ах, вот как! — произнес первый и отказался от своей мысли.

Но старая женщина и не думала о благодарности. Довольная сделанным, с опустевшей корзиной она возвращалась домой по кривым городским улочкам.

— Ласточка уже ждет меня, наверное, — прошептала она и улыбнулась.

Так она вышла на окраину города. Вдруг чей-то сердитый голос приказал ей остановиться. Перед ней стояли несколько человек. Один из них осмотрел ее корзину — пустая. Тогда стали ощупывать ее одежду.

— Что вы ищете? — спросила Старушка.

— Плоды.

— Но я раздала их. Больше у меня нету. Теперь они созреют только через семь лет и тогда, если не я сама, то Ласточка принесет их вам. Она заметная, с белым перышком на лбу.

Старушка говорила так спокойно потому, что не догадывалась, что эти люди настигли ее вовсе не из-за плодов, а из-за золота, которое они обнаружили в плодах.

Только поздно вечером Старушка добралась до дому.

Ласточка не спала.

— Цвир, цвир, — пропела она, чтобы показать, что ждет Старушку.

Но и Старушка не забыла о ней: она принесла из города маленькое ожерелье из светлых бусинок.

— Цвир, цвир, — радостно пела Ласточка, пока Старушка вешала ей ожерелье на шейку.

С гор спускался холодный ветер. Он качал деревья, шумел листвой. Небо потемнело, блеснула молния, и, словно треснули черные тучи: хлынул ливень. В избушке закапало с протекающей крыши, но Ласточке, приютившейся за пазухой у Старушки, было тепло и сухо. Время от времени она прижималась к груди старушки, чтобы показать ей, насколько она счастлива, что находится с ней. Она и не заметила, как пролетела ночь. Когда рассвело, тучи разошлись, показалось солнышко, и снова стало светло и весело. Старушка посмотрела на ветви дерева: плодов было много. Через семь лет они созреют, и она снова сможет раздать их людям. В этом была ее единственная радость.

Глухая боль — так было каждое утро — глубоко пронзила ее колено, она перестала улыбаться и снова с горечью подумала о том, что очень стара.

— Эй! Где ты? — позвала она Ласточку.

Та обрадовалась, сунула свой клювик в ухо старушки и ласково прошептала:

— Я очень тебя люблю.

Старушка присела у корней дерева и стала объяснять Ласточке: если случится так, что ее не станет, то Ласточка должна позаботиться о дереве. Как только его плоды засветятся, словно лампочками, она должна будет положить их в корзину и отнести в город, но раздавать их надо только усталым людям и больным.

— Как же я их узнаю?

— Боль — не то, что радость, ее не скрыть.

— Хорошо, — ответила Ласточка и порхнула между ветвями, чтобы показать, как она каждое утро будет осматривать их. Потом она села старушке на плечо и сообщила, что на дереве есть увядшие листья.

— Ой-ой-ой, — стала сокрушаться Старушка, — наверное дерево надо полить.

И она заторопилась направить ручеек в сторону, — так, чтобы он напоил дерево. Солнце ласково припекало. Ласточка сорвала примулу и воткнула ее в волосы Старушки, которой это очень понравилось, и она даже стала непевать песенку.

— Как ты хорошо поешь! — сказала ей Ласточка.

И не зная, куда деть переполнявшую ее радость, зарылась в волосы Старушки и всю ее растрепала.

— Ах ты, баловница этакая! — сделала вид, что рассердилась Старушка, но так и не закончила свою песенку.

Из леса показались двое мужчин. Это были те самые, которые остановили ее на окраине города; Старушка узнала их издали.

— А, вот мы тебя и нашли! — воскликнули они.

— А я все время здесь, — произнесла Старушка, поклонилась им и приветствовала:

— Добро пожаловать в мою избушку!

— Очень нужна нам твоя избушка!

— А что же вам нужно? Я очень редко спускаюсь в город: детей ваших пугать боюсь.

— Мы пришли за плодами.

— Очень хорошо. Но они еще совсем зеленые, и в соку их нет силы. Сейчас он еще не снимет боль, не прогонит усталость. Я живу только для того, чтобы растить их. Мне они не нужны. Когда созреют, я снова понесу их в город и все раздам людям.

Но двое незнакомцев даже не дослушали ее, они

забрались на дерево и стали срывать плоды. Потом разрезали их и, недовольные, бросали на землю.

— Что вы там ищите? — спросила их Старушка.

— Золото.

Но золота они не нашли и, разозлившись, срубили дерево.

А Старушка не решилась сознаться, что золото ей приносит ручей. Она боялась, как бы они не разрыли его и не замутили серебряные его струи.

Ласточка притихла на ее плече. Ни разу еще она не видела Старушку такой грустной. Но как утешить ее, она не знала.

— Улетай! — наконец промолвила Старушка.

— Ты гонишь меня? — спросила ее Ласточка.

— Нет, я не гоню тебя. Но я скоро умру — не могу смотреть и видеть мертвым это волшебное дерево.

— Я останусь с тобой.

— Нет, нет. Ты должна перелететь за снежные вершины. Там, за горами, лучше, чем здесь. А я уже слишком стара, и не дожждаться мне, пока из корней вырастет новое дерево.

Старушка заплакала. Напрасно Ласточка старалась утешить ее.

— Я прилечу оттуда, — обещала она. — Я найду лекарство от твоих мучений. Жди меня!

На прощание Ласточка нежно потеревала волосы Старушки и полетела над лесистыми склонами, вверх, к вершинам гор.

К вечеру из последних сил она нырнула в тучи, осевшие на самой вершине. Было очень холодно и страшно. Но она не испугалась и даже не решилась остановиться, чтобы немного отдохнуть. И хорошо сделала, потому что могла замерзнуть. Спустилась она вдоль обратного склона гор. Там и правда было теплее и светлее. Она переночевала под скалой в за-

щищенном от ветра месте, а когда рассвело, то увидела спрятанную между горных склонов цветущую долину и поспешила к ней. От ласточек и других птиц, попадавшихся ей навстречу, она узнала, что попала во владения одной княгини — дивной красавицы. По утрам будто бы она умывалась солнечными лучами, и потому волосы ее отливали золотом, а лицо было нежное и благоухало, как роза.

Скоро Ласточка увидела сверкающий мраморный дворец, раскинувшийся словно огромный цветок, а возле него — большой белый фонтан.

День клонился к закату. Ласточка очень устала и стала искать, где можно было бы переночевать. Под карнизом мраморной лестницы прилепились одно к другому семь ласточкиных гнезд. Каждое из них украшала пестрая ленточка. Ветерок играл ленточками, и птичка пугливо озиралась по сторонам.

К нашей Ласточке подлетела другая такая же птичка и даже не сказала ей „Добрый вечер!“, а стала оглядывать ее со всех сторон.

— У тебя нет ленточки, — важно заключила она. — Убирайся отсюда!

— Почему?

— Ты не придворная ласточка. Этот мраморный карниз предназначен для нас — придворных ласточек. У нас у всех есть пестрая ленточка на ножке и такая же пестрая ленточка на гнезде.

— Вы родились с ними?

— Нет, нам привязала их княгиня, специально для того, чтобы отличать нас от других.

— У меня тоже есть отличие.

— Какое?

— Белое перышко. Вот здесь, — и она показала на свой лобик.

— Ха! — воскликнула новая Ласточка. — С тобой мы выросли в одном гнезде!

И обе ласточки затрепетали крылышками и радостно зачирикали. Но не надолго. Придворная Ласточка объяснила, что им запрещено заводить друзей среди ласточек без ленточек.

— Но ведь мы выросли вместе!

— Это не имеет значения. Тебе нельзя оставаться и ночевать под мраморной лестницей.

— Значит ты забыла наше гнездо под крышей бедного домика?

— Не забыла. И потому я разрешу тебе лететь с нами, когда мы сопровождаем княгиню во время ее прогулки. Она любит, чтобы ее сопровождали и восхищались ею.

На другой день, как только показалось солнце, на лестнице выстроились молодые девушки и юноши. Одетые в яркие костюмы, они были похожи на живые цветы. И все они кланялись княгине. Хотя она была окружена самой пестрой свитой, какую только можно себе представить, ее красота ослепляла своим блеском. Лицо ее, словно звездочка, сияло улыбкой. Бриллиантовая диадема преломляла свет солнечных лучей и в золотых волосах княгини переливались потоки разноцветных искр.

Ласточка была просто ошеломлена виденным. Она вспомнила, что покинула родное гнездо для того, чтобы узнать, кто же на свете имеет все.

— Княгиня, окруженная царственным величием, уважением и любовью, уж конечно имеет все на свете, — прошептала она и приблизилась к Княгине.

— Кто ты? И почему так близко летаешь над моей головой? Ты любишь меня?

— Как же я могу любить тебя, если я тебя не знаю? — ответила Ласточка.

— О, это мне даже нравится. Непрерывная лесть мне уже просто надоела. Хочешь я сделаю тебя своей придворной птицей?

— Нет, я должна лететь к моей Старушке. Она, правда, похожа на колдунью, но сердце у нее доброе, и я ее люблю. Сюда я прилетела, чтобы найти лекарство от печали, которая у нее на сердце.

— Как? — рассердилась Княгиня, — ты ищешь лекарство от душевных недугов какой-то старухи! А я, — я, равная царице, тоскую, и тебе это все равно?

— Значит и вы не обладаете всем. Никто, никто не имеет всего! — вскричала радостно Ласточка.

— Не имею... Все мне подчиняется в этой долине, а вот не могу никому приказать любить меня. Это и есть моя постоянная мука. Когда ты полетишь над страной и найдешь травку или корень, которые помогут мне заставить людей любить меня, принеси мне ее — я сделаю тебя первой придворной птицей. А если этого мало, могу наградить тебя каким-нибудь титулом. Скажем титулом маркизы.

— Твоей беде легко помочь, — ответила Ласточка. — Живи и поступай так, чтобы люди любили тебя.

— Только не это. Если я буду так поступать, значит я буду находиться у них в подчинении. А я хочу, чтобы они исполняли мои требования и желания. И чтобы я ничего им не давала, а они бы любили меня.

— Раз так, то и хорошо, что они не любят тебя, — сказала Ласточка, — В этом — их свобода, их независимость.

— Ты, кажется, вздумала противоречить?

Ласточка вспорхнула на самое высокое дерево во всей долине и крикнула как можно громче:

— Хорошо, что никто не имеет всего! Если бы такой нашелся, то он стал бы свирепее льва, сильнее

слона, ядовитее змеи. Великолепно, великолепно! — ликовала она.

Потом Ласточка поспешила к своей некрасивой Старушке, чтобы сообщить ей, что даже Княгиня не имеет всего. Тогда может быть она будет меньше тосковать и наберется сил, чтобы дождаться, пока вырастет дерево. Она будет снова собирать чудесные плоды и раздавать их больным и усталым. И люди узнают, что живет на свете такое дерево, и никогда не устанут искать его. А поиски — это превосходное лекарство для всякого больного от любых недугов.

ЧУДО

*Георгию Константинову
Да не покинет меня призна-
тельность за благородство,
которым ты одаривал меня
столь щедро.*

Каждой весной с гор спускался Старик — седой, как снежные вершины, под которыми он жил.

В долине пели птицы, пели люди, но он словно не слышал их.

— Так много мы знаем о мире, а все еще остаются чудеса, перед которыми мы преклоняемся и которым дивимся. Мир не состоит только из видимого, поэтому хоть каждый день открывай чудеса, их на всех хватит.

Если чудо не вся страна, то может быть уголок ее. Если не уголок, то пещера, которая однажды вдруг покажет нашим ошеломленным глазам подземные свои дворцы. А если не пещера, чудом может быть источник, забивший неожиданно из раскаленных на солнце камней. Если не ручеек, так цветок. А не цветок — так великолепная красавица или человеческий поступок, оставивший в наших сердцах тепло — как первый весенний луч.

Так он говорил каждому встречному, а после рассказывал о невиданных никогда чудесах. Например, о таком.

В одной большой и богатой стране было много всяких чудес. В самой ее середине, прямо на ровном поле, поднималась высокая гора. Она словно спешила куда-то и остановилась отдохнуть на этом ровном поле, огражденном словно специально наколотыми острыми скалами. Нельзя было даже и подумать, что

они не были чудом. Но если бы кто-то сказал, что оно единственное в этой стране, то ошибся бы.

У подножия горы цвела долина, на дне которой били словно фонтаны, шесть ключей — три горячих, три холодных.

Один из горячих ключей был окрашен в зеленый цвет, а из студеного один белел, как снег на вершинах гор, второй тоже был белым, но от него исходил аромат, словно в нем растворяли свою пыльцу цветы, росшие по обширным лугам. Остальные журчали так, как будто множество птиц распевали хором.

Струи этих шести разноцветных, издававших аромат ключей падали на землю, и в разные стороны разбегались шесть потоков.

И это само по себе было чудом! Сколько мест на земле могут похвастаться горой, у подножия которой приютилась дивная долина с разноцветными источниками и благодатными ручьями.

Но наверное одно чудо влечет за собой другое.

В прекрасной долине с шестью ключами высился белый мраморный дворец, да его великолепие затмевала красота хозяйки. Едва ли была где-нибудь еще такая красавица. Пленяющее очарование и ласковое тепло исходили от ее лица. Стоило посмотреть на нее, — всего лишь раз, — как становилось ясно, что она единственная и неповторимая. Птички, цветы и люди — все желали прикоснуться к ней, насладиться ее созерцанием. Едва она показывалась в окне, соловьи забывали о своих песнях, а пчелы — о цветах. Травинки переставали шептаться. И даже ветры затихали.

— А одарила ли ее природа еще бóльшим чудом, чем эта красота? — спрашивали те, кто слушал Старика.

— Одарила, одарила, — отвечал он.

— Что же это было такое? — любопытствовали слушатели.

Старик не спешил отвечать им. Он давал им время подумать и попытаться самим ответить на этот вопрос.

— Глаза, — говорил один.

— Доброта, — утверждал другой.

— Сердце! — громко прервал их третий, уверенный, что угадал.

— В сердце действительно живут все таланты человеческие, но ты не угадал, — заключил Старец.

И слушатели, сколько они ни ломали головы, в конце концов признались, что не могут отгадать, чем еще она была одарена.

Тогда Старик оглядывал каждого в отдельности и раскрывал тайну:

— Тот, кому она отдала бы свое сердце, становился бессмертным и оставался вечно молодым.

— Это чудо из чудес! Более великого чуда и быть не может! — ахали все.

— Может, может, — спокойно вставлял Старик.

Единственная в мире красавица, как и полагается, была счастлива. Она думала, что нет на свете никого, кто бы решился нарушить ее спокойствие. Но она ошибалась.

Ее чудесное дарование истомилось от бездействия, хоть и было скрыто в самом прекрасном месте на земле — в ее сердце. Если не даст оно никому бессмертия, то это все равно что погибнет...

— Почему ты никому не подаришь своего сердца? — спросило оно Единственную.

— Кто ты, что позволяешь себе беспокоить меня?

— Твое дарование.

— Раз мое, так и подчиняйся мне. А теперь прошу добром: больше не беспокой меня!

Дарование как будто утихомирилось. Но не надолго.

Станет Единственная перед зеркалом вертеться, оно ей:

— Я здесь.

— Скроешься ли ты наконец! — рассердилась Единственная.

— Только в том случае, если ты последуешь моему совету.

— Какому?

— Отдай кому-нибудь свое сердце, и я сделаю его бессмертным и дам ему вечную молодость.

— Не хочу, — отрезала Единственная. — Я счастлива только когда люблюсь собой. Никому не отдам своего сердца.

— Если я подарю кому-нибудь бессмертие, люди все равно припишут это тебе и будут воспевать тебя в песнях. Мы, дарования, живем для других.

— Ну, тогда другое дело, — почти согласилась Единственная и спросила, кто же будет ее избранником.

— Тебе видней — урод или красавец, пахарь или поэт — все равно. Только не из тех, кто думает лишь о себе. Таких я ненавижу. И бессмертие такому давать? Ни за что!

— Тогда не могу.

Дарование недовольно смолкло.

Но надолго ли? Большое или маленькое, но если это действительно дарование, оно готово вынести любые лишения, только бы проявить себя. Оно заполнило все сердце Единственной, — так, что та не находила себе покоя. Ложилась в постель, но заснуть не могла. Ее преследовали видения, избавиться от которых было невозможно. Ее перина, набитая цветоч-

ной пылью, теперь казалась ей жесткой. И она часто просыпалась со слезами на глазах.

— Подожди, еще хуже тебе придется... — донимало ее Дарование.

И Единственная не устояла. Она приказала объявить, что ищет избранника сердца.

Эта новость быстрее, чем лучи восходящего солнца, облетела землю.

Из самых глухих уголков земли к беломраморному дворцу потянулись люди — все жаждали бессмертия.

Кого только не было среди них: императоры, известные всему миру богачи, торговцы, мастера, музыканты, мудрецы, поэты, певцы, нищие, убогие — одним словом, всякие. Императоры, которые заставляли трепетать целые царства, вынуждены были доказывать, что не нищим и преступникам принадлежит право вечно оставаться молодыми, а им. Если этому не бывать, то наступит непоправимый хаос, ибо некому будет наводить порядок. Мудрецы перебивали их, уверенные, что именно им должно принадлежать бессмертие: самое важное на земле — это мудрость, без нее не делается ни одного разумного шага, без нее исчезает гармония; если и было где-то так, что камень оказался положен на другой камень, то это чистая случайность. В противном случае наступит царство разрушения, и ни в одном уголке уже ничего не будет строиться. Но несмотря на то, что они раскрывали великие истины, никто их не слушал.

Поэты доказывали, что если бессмертие будет отдано другим, все равно без поэзии жизнь станет пустой, она потеряет свой аромат, и радость погибнет в сердцах, как подстреленная птица. Душа человека без поэзии будет походять на песчаную пустыню, над которой тучи только проплывают, но никогда не

разражаются дождем. Люди будут ходить под синим небом, но никогда не будут замечать его, они будут сажать цветы, но не смогут радоваться аромату. Они будут слушать песни, но их сердца никогда не раскроются для этих песен. Они будут купаться в лучах света, но у них в глазах будет тьма. Не станет поэзии — люди никогда не возвысятся духом, хоть и будут сыты. Но кто слушал поэтов!

Их прервали певцы. Как темная ночь, будет выглядеть жизнь без песен. Люди будут двигаться по пути в бесконечность. Они быстро устанут, потому что некому будет их вдохновлять. Песни принадлежат всем. Если кто-то, например, сделает великолепную, известную своей красотой вазу, то ей будет радоваться только то, кто ее имеет. Песня же — другое дело. Ее нельзя запереть, нельзя казнить. Она — награда для достойных. Заставляет трепетать самых грозных властелинов. Проникает без приглашения во дворцы и селения. Вечная молодость — это удел певцов.

— Все это так, — отзывались пахари и сеятели, — но будет ли на земле мудрость и песня, если мы не будем пахать и сеять. Если бы не мы, то над кем властвовали бы императоры, кого бы поучали мудрецы, кому пели бы свои песни певцы? Это мы должны быть вечно молоды.

Больные приподнялись на своих носилках: они должны получить бессмертие, чтобы вылечиться и узнать, что такое радость, которой у них никогда не было. Это будет самым справедливым решением. Чего стоит этот мир, в котором есть хлеб, и песни, и поэзия, и мудрость, но нет справедливости! Без справедливости человеку и жить не стоит. Так что даровать бессмертие нуждающимся — это значит даровать его справедливости.

Сказали свое слово и разбойники. Если бы не

они, то мир уже пребывал бы в покое, он бы покрылся плесенью, как стоячее болото, не было бы вообще никакого движения. Значит, они тоже имеют право на бессмертие...

Одним словом, весь этот гам нарастал, как лавина. Неизвестно было, кончится ли он когда-нибудь вообще.

Что же будет, когда она подарит кому-то бессмертие? — задумалась Единственная. Только то, что она перестанет мучиться — больше ничего. Но все равно, надо утихомирить этих людей. И она, при виде которой затихало все живое, вышла на балкон.

— Смотрите на меня! — крикнула она, уверенная, что заморозит их своей красотой.

Люди в тот же миг разгадали холодное ее величие и грозно взревели:

— Убирайся! Это ты виновата в том, что мы притащились сюда искать бессмертия! Из-за него мы перебьем друг друга, потому что все сразу не получим его; все равно оно достанется только одному.

Единственная испугалась и, чтобы спасти положение, объявила, что вот там, над снежной вершиной, каждый вечер восходит яркая звезда. Тот, кто отважится отвести туда красавицу, получит ее сердце.

Недавно еще объятые гневом, люди изумленно смолкли. Снова улыбнулась им надежда на бессмертие и разошлись они молчаливые, в раздумье над тем, каким образом можно достичь яркой вечерней звезды. Единственная смотрела на то, как они сходят вниз по горным склонам, и снова почувствовала себя сильной и недостижимой, как прежде.

Вечером она пришла к себе в спальню. Но что случилось с ней? Только что она отослала людей мучиться над непосильной задачей, и, казалось, успокоилась и была счастлива, а вот — легла в постель и не

может заснуг. Грудь ее вздымалась от какого-то неопределенного желания, сердце колотилось быстро-быстро, словно готовое задохнуться.

Вот так, еще не отдавая себе отчета, она почувствовала, как это невероятно трудно — быть единственной.

Рано утром на следующий день она отправилась на прогулку в поле. Цветы, истоптанные толпами людей, спешили выпрямиться, чтобы затем склониться перед ней, прежде чем она пройдет мимо. Птицы, испугнутые со своих гнезд в кустах и на деревьях, возвращались назад с песнями. Ничто как будто не изменилось, а почему у нее так тяжело на душе? Она спрашивала себя и не находила ответа.

Все ее желания устремлялись теперь к той большой звезде. И казалось ей, что днем звезда летает где-то в неведомых краях, а вечером восходит над горой только ради нее. Неужели кто-то все же осмелится повести ее туда?

В тот же вечер кто-то постучал в ее окно.

— Кто там? — спросила Единственная. — И почему не стучишься в двери, как это делают воспитанные люди?

— Я стучусь для того, чтобы дать знать о себе, а не для того, чтобы ты открыла мне. Я уже здесь.

— В этой комнате?

— Еще ближе.

— Где же?

— В тебе самой.

— Не верю, — усомнилась Единственная, но все же оцупала волосы и лицо.

— Не старайся отыскать меня, я невидимо.

— Кто же ты тогда? Ты, которое и есть и одновременно словно бы и нет тебя.

— Я — Воображение.

— Зачем ты посетило меня?

— Для того, чтобы отвести тебя к звезде, самой прекрасной из всех прекрасных. По твоему желанию я сделаю ее еще прекраснее.

— И за это я должна отдать тебе свое сердце?

— Не надо, я и без этого бессмертно.

— Почему же тогда ты хочешь отвести меня к звезде?

— Я лишь нарисую ее тебе. Только пережитое есть нечто единственное.

— Значит, я не единственная?

— Выходит, нет, если ты уже сильно желаешь чего-то. Но не будем спорить, — заключило Воображение.

— Да, я хочу попасть на звезду, с которой по ночам разговариваю и называю ее своей.

— Сегодня попадешь ты, завтра — кто-то другой.

— Пусть так. Ночью только ей я поверяю свои желания.

— Ну, что ж, мне остается только скрыться. Но не навсегда, — смягчилось Воображение. — Придет время, и я потребуюсь тебе. Когда ты достигнешь звезды, и там что-то тебе не понравится, я откликнусь на твой зов. Чудесный дар твоего сердца мне не нужен. Он может принести бессмертие только тому, что ощутимо физически. Духовное же не умирает. Но знай: как бы много ты ни имела, я всегда тебе пригожусь. Какое-нибудь неутолимое желание все равно снова вызовет меня к жизни и подтвердит мое бессмертие.

Единственная молчала, она и не заметила даже, как Воображение затихло у нее в груди. Подойдя к окну, она увидела, как над высокой вершиной горы восходит ее звезда.

— Добрый вечер! — приветствовала она звезду. — Я хочу к тебе.

— Чего ты этим достигнешь?

— О, как ты любезна, — обрадовалась Единственная. — Раньше ты не разговаривала со мной.

— Звезды молчат.

— Так кто же говорит со мной?

— В своих мечтах ты можешь создать какую хочешь прекрасную звезду.

— Так кто же ты? — опять спросила Единственная.

— Ты еще не поняла? Я — Мечта.

— Я хочу достичь звезды, а не мечтать о ней.

— Я не мешаю. Достигай, чего хочешь. Говорят еще, что я не нужна. Ошибаются. Никто еще не существовал без меня.

— Как так?

— А вот так. Каждому хочется быть чем-то бóльшим, чем он есть в действительности: более высоким, более сильным, более восторженным, более радостным, более счастливым, более мудрым. Достигни звезды и поговори с ней. Создай себе рай. Когда-нибудь придет нужда и во мне. Хоть ты и Единственная, а все равно без меня будешь одинока.

— Пусть ты и права, — твердо ответила Единственная, — я все равно хочу достигнуть своей звезды. Чтобы увидеть ее. Чтобы спросить ее, доходили ли до нее мои мысли и желания!

— Ну, что ж. Если хочешь знать, — хоть и звучит это хвастливо, — я очень большое счастье для человека, — закончила свою речь Мечта и исчезла.

Через несколько дней начали прибывать люди. Они приносили с собой различные устройства и машины. С их помощью они демонстрировали всякие любопытные выдумки. Одни из них вращались, как детские игрушки. Другие поднимались над землей, но

лишь на короткое время. Третьи расправляли огромные крылья, но не могли взлететь.

— Так очевидно и не долететь мне до звезды, — загрустила Единственная.

На ее глазах показалась слезинка, готовая вот-вот скатиться по щеке, но красавица быстро смахнула ее ладошкой.

— Не прогоняй меня, — попросила ее Слезинка, — я рождена твоей печалью. Я помогу тебе.

— Люди с самыми сложными изобретениями не могли помочь мне, тебе ли...

Слезинка хотела что-то ответить, но не успела: подхваченная ветерком, она полетела высоко в горы, туда, где жил один Юноша. Он занимался тем, что делал свирельки для детей. Одинаковые на вид, они наигрывали мелодии на разные лады.

У Юноши всегда лежала на коленях изогнутая, как коромысло, палка. Чувствовалось, что она была очень дорога ему, очень необходима. Она всегда была у него перед глазами — и тогда, когда он надевал на свирели бусы из диких ягод. Закончив эту работу, он садился верхом на свою палку и мигом оказывался в долине. Там Юноша раздавал свирельки детям, и палка-коромысло снова несла его на себе. Едва он успевал подумать, что летит, как уже достигал высоких вершин. Он снова садился перед своим домиком и опять начинал мастерить свирельки. Потом привязывал к ним бусы из красных ягод, наполнял ими корзину и с помощью волшебной палки спускался в долину.

Слезинка увидела молодца и — хоп! — вселилась в его сердце. Таким светлым и ясным было оно, что ей показалось, будто попала она в сказочный дворец.

— Ах! — восхищенно вздохнула она.

— Эй, ты, непрошенная, кто такая? — спросил ее удивленный Юноша.

— Я слезинка.

— Будь ты хоть переодетый дьяволенок, я все равно тебя обнаружил бы. У меня есть волшебная палка, с помощью которой мне становится доступным все — от огромной звезды до самой малой пылинки.

— Породила меня печаль одной девушки. Уж очень ей хочется достигнуть той яркой звезды, что взошла над темным хребтом горы.

— Коль рождена ты печалью, значит ты настоящая, — заключил молодой человек и не прогнал ее.

О чем они потом шептались, известно только им самим. Но однажды решили отвести Единственную на ее звезду.

Сел Юноша на свою палку-коромысло и с быстротой молнии оказался в чудной долине с прекрасным замком, где обитала красавица и волшебное ее дароване.

— Ты чего тут потерял? — сердито встретили его стражники.

— Я пришел, чтобы отвести вашу госпожу на ее звезду.

— Ха - ха - ха! — расхохотались они ему в лицо.

Да и наверное было у них на это право: ничего не было в нем примечательного. На одном плече нес он торбу с едой, на другом мех с водой, а в руках держал простую палку-коромысло. Невозможно было и представить себе, что с помощью этих предметов он может долететь до звезды. Только удивило их, каким образом он добрался до замка.

— Если что-то окрыляет сердце, то можно совершать настоящие чудеса, — отвечал им Юноша.

Стражники стали ругать его, называть обманщиком, а он только улыбался в ответ. Они стали угрожать ему, но он опять улыбался. И это тоже было

чудом. Как бы то ни было, впустили они его в замок.

Долго говорили Юноша с Единственной. Но никто не узнал, о чем. Только вскоре, взяв торбочку с едой и мех с водой, они уселись на волшебную палку-коромысло. В воздухе слышалось словно бы жужжание пчелы, и они оторвались от мраморной лестницы замка.

Полететь на звезду, усевшись на какую-то палку! Это было истинным чудом! И люди верили, что не было большего чуда, чем это. Но больше всех обрадовалось Дарование. Оно не замедлило спросить Юношу, что он намерен делать, когда оно подарит ему бессмертие.

— То же, что и раньше — свирельки для детей.

— Спасибо тебе, — едва не задохнувшись от радости, прошептало Дарование. — Пусть же ты будешь молод, бессмертен и счастлив.

Единственная слушала их, но не понимала: получить бессмертие и снова делать свирельки? Но спросила она о другом:

— Скажи, а могу я лететь сама на этой волшебной палке?

— Нет, — ответил он.

Единственная задумалась: „Если я не могу сама лететь к звезде, значит я никакая не Единственная“. И она более ласково взглянула на Юношу.

Но он перестал улыбаться.

— Что с тобой? — спросила его Девушка.

— Мы должны остановиться. Волшебной палке надо отдохнуть.

— Но если она волшебная, то не должна устать.

— И самое сильное волшебство должно чем-то поддерживать себя.

— Чем же мы должны поддержать нашу волшебную палку? — встревожилась Единственная.

— Мы остановимся на вершине и скажем ей, что мы верим ей, что мы уверены в том, что она отведет нас к твоей звезде. Волшебства живут верой. И чтобы они слушались нас, мы должны верить в них.

— Ну, тогда я согласна.

И полетели они к самой высокой вершине. Она казалась островом среди облаков, хоть и освещенным солнцем, но холодным и пустынным. Они приблизились к этой вершине. Но в том месте, где они должны были опуститься, находилось гнездо с только что вылупившимися орлятами.

— Нет, нет! Не останавливайся здесь, — попросила их гора. — Кроме ветра и облаков меня никто не посещает. Лишь одна орлица почитает меня. Она свила здесь гнездо и вывела орлят. Теперь они одни дают мне жизнь.

— Быстрее! Время не ждет! — сердилась Единственная.

— Если мы спустимся, то раздавим орлят.

— А если ты не спустишься, то потеряешь свое бессмертие, — пригрозила Единственная.

Юноша подумал, подумал, но не долго. Он не остановился на голой вершине, не уничтожил орлят.

— Благодарю тебя, — облегченно вздохнула вершина.

А палка весело полетела обратно в долину. Через мгновение Юноша осторожно опустил Единственную там, откуда взял ее — на мраморные ступени дворца.

А сам, счастливый, что его не соблазнило бессмертие и что он оставил жизнь орлятам, заспешил к своему домику, чтобы делать свирели для детей.

Это и было самое большое чудо, какое могло произойти в той удивительной горной стране, где находилась полная разных чудес долина.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЬМИНА ПОХЛЕБКА	5
<i>Если бы я мог быть пшеничным зерном</i>	5
<i>Не понимаю, или первая встреча с белым днем</i>	7
<i>Ага, и я что-то значу</i>	10
<i>Что еще можно увидеть?</i>	13
<i>Отдаю свою силу</i>	15
<i>На балу</i>	18
<i>Черный дьяволенок</i>	23
<i>Ведьмина похлебка</i>	25

НАИВНЫЙ ПРИНЦ	32
<i>Здесь какая-то ошибка</i>	34
<i>Перед запертой дверью</i>	36
<i>Разговор со звездами</i>	38
<i>В крысином царстве</i>	42
<i>Откажись от своей Звездочки!</i>	47
<i>Спасибо!</i>	50
<i>За что вы бьете его?</i>	53
<i>И зачем тебе эта Звезда?</i>	54
<i>Легче справиться с дьяволенком</i>	58
<i>Чего ты меня так нахваливаешь, что — я скоро умру?</i>	62
<i>У Царя, который имел только одного советника — Секиру</i>	65

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЗУМНОЙ ЧАСТИЦЫ КВАЗИ-ЗВЕЗДЫ	70
<i>Одно описание, которое позднее получит объяснение, если это будет необходимо</i>	70
<i>Безумная Частица квази-звезды летит к Земле</i>	73
<i>Первая встреча</i>	77
<i>Примите нас!</i>	87
<i>Нет, нет!</i>	92
<i>Вмешательство</i>	99

ИМЕЕТ ЛИ КТО-НИБУДЬ ВСЕ?	106
--------------------------------	-----

ЧУДО	125
------------	-----

Митко Яворски

ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО И ОКЕАН

Редактор болг. текста *Здравка Ташева*

Художник *Петр Чуклев*

Художественный редактор *Скарлетт Бугарчева*

Технический редактор *Румяна Браянова*

Корректор *Анна Крижка*

формат 84/108/32; п. л. 9

31 95372 26231

6275—35—80

Государственная типография „Балкан“

София Пресс